

Р А Д У Г А,

Ж У Р Н А Л Ъ

ФИЛОСОФИИ, ПЕДАГОГИИ И ИЗЯЩНОЙ

ЛИТЕРАТУРЫ

съ

присовокупленіемъ

ОСТЪ - ЗЕЙСКИХЪ

ЗАПИСОКЪ,

издаваемый

А. БЮРГЕРОМЪ.

Книжка третья.

Ревель. 1832.

Въ типографіи наследниковъ Линдфорса.

Р А Д У Г А.

2ый Опломокъ
ОТЪ ФИЛОСОВСКАГО МОЗАИКА.

. . . Случайно услышавъ, что Гершелевъ телескопъ споялъ у него на дворѣ, и я, вмѣстѣ однакоже съ астрономами, наконецъ догадался, что нѣтъ ни какой надобности строитъ высокія обсерваторіи; что десять или двадцать сажень высоты не много приближаютъ къ Сатурну: и потому на всякомъ мѣстѣ, гдѣ видимый горизонтъ достаточно открытъ, можно дѣлать наблюденія. — Очень довольный сею догадкой, позвалъ я моего плотника Прокофья, и велѣлъ ему, по данному отъ меня плану, строитъ обсерваторію — на чердакѣ кладбищенской часовни села моего. — Чрезъ мѣсяцъ все поспѣло. — Дворникъ, кучеръ и кухарка перенесли заготовленные мною астрономическіе инструменты, на ихъ мѣсто; а я,

успавя ихъ, какъ должно, расположилъ нужную для астронома-наблюдателя библиотеку, поставилъ кресло и — сѣлъ на него! — Вы улыбаясь ожидаете наблюдений, и особливо списка, какъ по водится, нѣсколькихъ тысячъ новооткрытыхъ звѣздъ; но пребываніе ваше и поспѣшно, и не справедливо. Какая прибыль и что за важность открывать новыя звѣзды? ихъ и такъ довольно; что же касается до существѣннѣйшихъ наблюдений, то вы слишкомъ спороги къ сельской обсерваторіи, которой вся сбруя стоить, съ наследственными инструментами, не болѣе тысячи рублей, въ то время какъ самыя пресловутыя обсерваторіи, съ драгоценными своими снарядами, стоятъ весьма пышно, но не много дѣлаютъ новыхъ и особливо полезныхъ открытій. И такъ, прошу не смѣяться надомною и слушать меня снисходительнѣе: — Сельская моя обсерваторія не замедлитъ, можетъ быть, заглянуть повыше и другихъ; но покуда, я говорю, что я сѣлъ. Взглянувъ на два берега обширнаго океана моихъ созерцаній, — небо и кладбище! — Но это не астрономія и я не обязанъ сказывать вамъ, что я думалъ; скажу только, что все, что дополъ прочелъ я и изучилъ изъ астрономіи, показалось мнѣ какъ-то сомнительнымъ; — я всмалъ; посмопирѣлъ

на хронометръ — онъ остановился — добрый знакъ! — Я подошелъ къ полкѣ съ книгами, лежущъ *Journal de St Petersburg* No. 9, нынѣшняго года, въ копоромъ весьма утвердительно сказано, что въ 1835^{мъ} году должна возвратиться комета Галлеева. Редакторъ сей статьи съ благородною увѣренностью присовокупляетъ, что комета сія будетъ та же самая, копорую видѣли въ 1436, 1531, 1607 и 1759^{мъ} годахъ. — Полагая, что не опъ себя сообщаетъ онъ сіе извѣстіе, а вѣроятно списалъ его съ какой-либо ученой газетъ, или изъ записки какого-нибудь астронома, я хотѣлъ увѣриться, на первыхъ шагахъ моего астрономства, не только въ достоверности сего пророчества; но, при сей вѣрной оказіи, и въ основательности самой кометнографіи. — Развернулъ все, что у меня на полкѣ было печатнаго о семъ предметѣ; читалъ нѣсколько дней сряду, покуда зарябило въ глазахъ; — бросилъ книги, и началъ изъ всего прочтеннаго и изъ головы писать 1^ю Пропоклъ сельской обсерваторіи: Двѣ задачи философа астрономическія:

Задача 1^я.

Опъ чего пакъ давно привязываюшъ особенную важность къ ожидаемому

возвращенію Галлеевой кометы, и вообще къ 1835. году?

Задача 2^я.

Вѣрно ли возвращеніе Галлеевой кометы въ 1835. году?

Опвѣтъ на 1^ю задачу.

Уже около семидесяти лѣтъ Германскіе мисники швердятъ разными обиняками о 1835^{мъ} годѣ. Всѣ ихъ самозванные полковашели Апокалипсиса подшверждающъ какое-то важное ожиданіе къ сему сроку. Суевѣры сей секшы часно швердятъ о томъ съ особеннымъ благоговѣніемъ, и, не пускаясь въ изслѣдованіе права своихъ пророковъ, — ожидающъ въ препетѣ! — Но во первыхъ Тотъ, Кто сотворилъ время, сказалъ, что одинъ Опецъ Небесный вѣдаешъ времена и лѣта. — Во вторыхъ, болѣзнь сихъ мисническихъ прорицалищъ получила свое начало и свирѣпствуетъ въ тѣхъ только земляхъ Германіи, гдѣ можно всякому изъяснять Священное Писаніе по своему. Тамъ многіе писатели и разныя секшы пушили въ прорицанія; особливо же о времени преспавленія свѣта. При каждомъ необычайномъ въ мірѣ произшествіи, или шумѣ, видѣли они Анпихриста и кончину вѣка. Шпилингъ очень сердился на то, что

Наполеонъ, заявленный имъ Антихристъ, и много, впрочемъ по мнѣнію сего мечпашеля, на него похожій, оказался, послѣ взятыя Париза, ненасполцимъ. Есть книжка, въ которой ищеть онъ легкую ошибку сію оправдать. — О 1835^{мъ} году пророчествовалъ, изъ первыхъ, Бенгель; — пророчество его современно съ такими нравственными и политическими произшествіями, (:съ Философіею 18. столѣтія и началомъ революціи:), по коимъ легко ему было предвидѣть большіе перемены въ обществѣ Европейскомъ; особливо, ежели принадлежалъ онъ къ тѣмъ людямъ, кои и помогали ихъ приуготовленію. Сверхъ того онъ легко могъ предъугадывать, что ежели система Невпонова о кометахъ справедлива, то согласно съ нею въ 1835^{мъ} году должна возвратиться комета Галлеева; что длинный хвостъ ея и близость къ землѣ, — на которой въ то же время, будетъ тогда, вѣроятно, какое нибудь продолженіе зачинавшихся уже въ его дни, потрясеній, — прослышъ его, въ умахъ мистической черни, Пророкомъ. — Припомъ, возвратъ Галлеевой кометы, въ умахъ суевѣрной толпы полуученыхъ, торжественно долженъ утвердить великій догмастъ всей Невпоновой системы, узаконить всѣхъ чадъ центробѣжности, упрочить всѣ

мечпательныя круговращенія философскихъ ученій; и опъ Невпона до Гегеля, всѣмъ гадапелямъ и оракуламъ ученаго міра, служишь твердою опорой. — Вопъ опъ чего шакъ важно, шакъ повсемѣстно, шакъ шоржесшвенно възвѣщается възвращная комеша 1835. года! Но мы пользуясь проновѣдуемою опъ Гг. Ученыхъ шерпимосшю, беремъ смѣлосшь не шолько ни чѣму эшому не вѣришь; но даже и доказашь математически, — съ сельской обсерваторіи нашей, — чшо всѣ подобныя гаданія сущь самая невѣрная гиппошеза; и чшо сіе споль положишельно възвѣщаемое собышіе, ш. е. възвращъ комешы, — можешъ, къ назначенному сроку, несбышься!

Ошвѣшъ на 2^ю задачу.

Не шолько възвращеніе; но даже самое сущесшвованіе, шакъ называемой, Галлеевой комешы, еще не досшовѣрно.

И вопъ почему:

До самаго Невпона, общепринятымъ ученіемъ о комешахъ было Аристопелево. Въ шеченіи чепырнадцати спольшій думали, и люди не глупые, чшо онѣ сущь воздушныя явленія. Невпонъ възпашъ прошивъ сей мысли. И вся сила сего великаго Генія, едва одолѣла его прошивника, въ боръбѣ, почши цѣлый вѣкъ продолжавшейся; наконецъ, однакоже,

Невпонъ провозглашенъ побѣдителемъ, возсѣлъ на престолъ Астрономіи, и кометы произведены имъ въ планеты!

Ужасаясь бытъ Демагогами, даже и проптивъ сего астрономическаго Царя, мы осмѣлимся однакоже нѣсколько вступиться за учителя Александра Великаго, послѣ царствованія сполькихъ вѣковъ, слишкомъ легко свергнутаго съ престола.

Невпонъ наблюдалъ комету 1680го года, копорая была прекрасна. Хвостъ ее покрывалъ болѣе шрепи видимаго неба.

Вскорѣ за шѣмъ издалъ онъ свою систему, копорая очень зашѣйлива и привлекательна. Кометы, по его мнѣнію, такія же планеты, какъ Венера и Юпиперьъ; онѣ вращаются около солнца; но вмѣсто того, чпобы описывашъ кругъ, обшекающъ чершу, называемую Элиписомъ, копорого одинъ бокъ очень близокъ къ солнцу; а другой очень удаленъ отъ него. —

Элиписъ Невпоновой кометы былъ по сей гиппозезъ ужаснѣйшей величины; ибо она должна была пройпи его въ печеніи 575^{ми} лѣшъ. Пуспясь въ дорогу за чешыре биліона, пашъ сошъ милліоновъ миль отъ насъ, гдѣ холодъ долженъ бытъ такъ великъ, чпто нашъ лёдъ въ сравненіи съ нимъ, ежели

не горячь, по покрайней мѣрѣ тепловатъ, она шла къ солнцу, обращалась около него, и подойдя къ нему на разстояніе только тридцати чепырехъ тысячъ миль, то есть, миллиономъ разъ ближе чѣмъ земля, — она находилась въ жару двѣ тысячи крапъ сильнѣйшемъ, нежели самое раскаленное желѣзо; и потомъ снова опошла прослыватъ и мерзнуть, съ тѣмъ, чпобы чрезъ пянь вѣковъ и три чепверти, опять жаритъся, обратишься въ стекло и закаливаться. (*)

Невпонтъ оспавилъ свою систему, и прудъ, не шупочный, извлечь изъ нее заключенія и дополнилъ ихъ нужными доказательствами, другу и ученику своему Галлею. — Оправдывая довѣренность споль славнаго Учишеля, Галлей пошчасъ принялся за изчисленіе Элипсисовъ всѣхъ комепъ, съ нѣкопорою шочностію дошоль наблюденныхъ, но по нещастію онъ нашелъ такихъ шолько 24. (изъ числа 425^{ти} доспсвѣрно являвшихся, по мнѣнію Пенгре, копорый просмотрѣлъ болѣе 600^ш древнихъ и новѣйшихъ хроникъ); и посреди сихъ его заняшій, какъ нарочно, явилась въ 1682^{мъ} году, новая комета, хопя и не шакъ великолѣпная, какъ Невпотова, но, какъ ниже увидяшъ, го-

(*) Просимъ припомнить, чпо Невпонтъ не зналъ новѣйшихъ системъ о теплотѣ и свѣтѣ.

раздо примѣчательнѣйшая. Галлей, по изчисленію ея эллипсиса, и сходству съ эллипсисомъ той, копорая являлась уже семдесятъпять лѣтъ прежде, (въ 1607. году), заключилъ, что она возвращая. — Восходя семидесятью шестью годами выше, въ 1531. году, нашелъ онъ еще комету, поплъ же эллипсисъ описывающую; и далѣе еще одну, такую же (въ 1456. году). Изъ сего заключилъ онъ (по одному сходству описываемыхъ сими кометами эллипсисовъ), что это одна и таже комета, копорая являлась четыре раза; что она обтекаетъ свой эллипсисъ въ 75 или 76 лѣтъ, и пошому должна снова явиться въ 1757^{мъ} или 1758^{мъ} году. — Но какъ возвращенія ея не могъ онъ самъ дожидаться; по и заклалъ ученый міръ не проглядѣть ее, и особливо не забытъ, что провозвѣспникъ оной былъ Англичанинъ.

Наступилъ 1757. годъ, — всѣ телескопы устремились на небо; — идетъ комета; — но увы! очень маленькая и ни какого сходства не имѣющая съ Галлеевой. — Другая, споль же мѣлкая и такъ же мало съ нею схожая, явилась и въ 1758^{мъ} году.

Наконецъ, въ самомъ концѣ сего послѣдняго года, открыта комета, копорой путь сходень съ Галлеевой. Торжество астрономовъ каза-

дось совершеннымъ: »Воптъ пятое возвраще-
ніе, кричали они (и не справедливо), одной и
той же кометы. Нѣтъ болѣе сомнѣній, она
планета и должна возвратиться въ 1834^{мъ} или
1835^{мъ} году.«

Однакоже нѣкоторые изъ ученыхъ, наи-
менѣе суевѣрные, не раздѣляя сего мнѣнія, рѣ-
шились ожидать новыхъ наблюдений къ под-
твержденію Невпоновой системы. Ибо:

1. Пенгрею (Tom. II. page 402), который
перевѣрялъ изчисленія Галлеевы, очень трудно
было согласить ихъ съ своими; и

2. Сія комета, явившаяся 25. Декабря
1758. года, какъ увѣряетъ Дрезденскій креспи-
янинъ, который первый ее увидѣлъ, имѣла при
явленія: первое отъ 25. Декабря 1758. года до
15. Февраля 1759. года, попомъ скрылась въ
лучахъ солнца; второе отъ 26. Марша до 22.
Апрѣля; третье отъ 28. Апрѣля до 3. Іюня;
всего 84 дни, и во всемъ этомъ нѣтъ ничего
похожаго на Галлееву комету.

Галлей открылъ еще другую, копорая, по
его утвержденію, являсь въ 1532^{мъ} году, возвра-
тилась въ 1661^{мъ}, совершила путь свой въ
128 или 129 лѣтъ, и должна была, по сему
ращенію, явиться въ 1789^{мъ} или 1790^{мъ} году.
Лаландъ возвѣстилъ сіе всему сонмищу астро-
номскому, которое во всѣхъ странахъ міра,

спало на спражь, изгопотивъ телескопы и грифели. — Наспупилъ 1789ый годъ, и — прошель безъ кометы! — Невѣрная измѣнила. Спѣдно было аспрономамъ слезать съ обсерваторій своихъ безъ кометы; но дѣлашь нечего — они по немногу упѣшились, заключивъ, что испуганная революціею, она своропила съ дороги.

Такимъ образомъ изъ двухъ предсказаній Галлея, одно кой какъ удалось; а другое нѣтъ. И въ пользу Невптоновой системы оспалось одно только доказательство; но и то вѣрноль и довольно ли убѣдительно? — оспѣлимся взглянуть на сіе въ пользу Аристотеля.

»Возвратъ кометъ можетъ быть узнаваемъ единственно по фигурѣ и элипсису ихъ.« Аспрономы не обращаютъ вниманіе на фигуру; а ограничиваются однимъ изчисленіемъ кометнаго пупи. — По сему и мы спанемъ говоришь, прежде, о пупи, описываемомъ Галлеевою кометой. Ежели она, какъ онъ утверждаетъ, дѣйствительно обпекаетъ свой элипсисъ въ 75 лѣтъ; или, что все одно и тоже, восходя опъ 1682. года, назадъ, должна была каждые 75 лѣтъ быть видима: По сему начиная, не далѣе какъ опъ лѣтосчисленія Христіанскаго, комета Галлеева

должна бы была явиться, въ 1682^{мъ} году, въ двадцать второй разъ. — Но вмѣсто того, не смотря на трудъ и терпѣніе самыхъ усидчивыхъ Кометографовъ, рывшихся во всѣхъ возможныхъ Хроникахъ, Исторіяхъ и Наблюдашеляхъ кометъ, что открыто? — Шестъ только явленій или возвращевъ ея нѣсколько вѣроподобныхъ, десять весьма сомнительныхъ; и того шестнадцать; а шести оспальныхъ, которые нужны еще въ число двадцати двухъ, и совсѣмъ нѣтъ!

Изъ шести же вѣроподобныхъ ея возвращевъ изчисленъ эллисисъ только пяти, и именно: 1456., 1531., 1607., 1682. и 1759. года.

И такъ все заключеніе о возвращенности сей кометы основано единственно на изчисленіи и сходствѣ эллисиса пяти кометъ вмѣсто двадцати двухъ, — очень умѣренно!

Теперь поспопримъ, вѣрноли даже и то, что сіи изчисленные уже эллисисы совершенно между собою сходны? — Астрономы нашего времени, какъ древніе Египетскіе жрецы, Астрологи Ал-Рашида, Браминь Индіи или Маги Персидскіе, не удостоивающъ даже и говорить съ нами о своихъ изчисленіяхъ; а только, съ высоты обсерваторій, бросающъ въ народъ таблицы ихъ Элементовъ. Но на сей разъ довольно и того; ибо, по несчастію

ихъ, и изъ самыхъ пяти Елементовъ той кометы, о которой здѣсь идетъ рѣчь, по табличкамъ Лаланда и Пенгре, ни одинъ не сходенъ совершенно съ другимъ! а между нѣкоторыми есть и значительная разница; что очень важно; ибо Кассини признается, что одна минута несходства можешь, въ семь родъ изчисленій, ввести въ самое грубое заблужденіе. — Вопль въ какихъ мы рукахъ и какъ правдолюбивы мудрецы нашего вѣка! — Меня это не удивляетъ; я всегда былъ вольнодумцемъ въ сферѣ ученаго міра, и никогда не вѣрилъ его непогрѣшаемости. А потому и теперь, съ сельской своей обсерваторіи, смѣло пускаюсь съ нимъ въ сопизаніе.

»Какъ узнають путешественника, по дорогѣ ли, которую онъ проѣзжаетъ, или по виду его? Кажется нѣтъ сомнѣнія, что по виду. Почемужъ бы не такъ поступать и съ кометами? — Что мѣшаетъ изчислять ихъ пуши и вмѣстѣ сравнивать фигуры? — Иначе, развѣ по одной дорогѣ не могутъ проѣхать десяти совсѣмъ разныхъ пушниковъ? Сверхъ того выгода сравнивать являющіяся кометы по ихъ фигурѣ былабы особенно важна при наблюденіи Галлеевой, ибо въ то время, какъ пять шолько возвращовъ ея замѣчены,

но и шѣхъ эллипсисъ, какъ мы видѣли, не весьма точно изчисленъ, девять фигуръ весьма точно извѣсны и вопшъ онѣ:

годы.

400. Ужаснѣйшая изъ кометъ, копорая съ вершины неба почти касалась земли.
855. Маленькая, видна была въ продолженіи двадцати дней.
1096. Въ четверо большая Венеры, ужасная по разсыпаемому ею огню.
1380. Безхвостая, видна была въ печеніи трехъ мѣсяцевъ.
1456. Большая, прекрасная, хвостъ въ 60 градусовъ; являлась въ полномъ блескѣ цѣлый мѣсяцъ.
1531. Красная, съ хвостомъ въ 15 градусовъ; видна была 27^{мѣ} дней.
1607. Блѣдная, величиною съ Юпитера, хвостъ въ 7^{мѣ} градусовъ; была видна въ продолженіи мѣсяца.
1682. Маленькая, шемная, хвостъ около 36^{ми} градусовъ, но блѣдный и шонкій.
1759. Хвостъ ошъ 47^{ми} градусовъ уменьшается до 4^{хъ}; въ печеніи четырехъ мѣсяцевъ является при раза, съ промежутками.

Спрашивается: есть ли тутъ какое сходство? — Какъ можетъ она, есслибъ то была одна и таже планета, являясь то большою, то малою, то темною, то красною, то блѣдною, то безъ хвоста, то съ хвостомъ отъ 7^и, 15^и, 30^и до 60^и градусовъ? — Какъ можетъ быть похожа то на Венеру, то на Юпитера? Какъ можетъ она являясь то на нѣсколько дней, то въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ? развѣ прочія планеты такъ проказничаютъ? — Не гораздо ли проситѣ и правильнѣе заключить, что девять разныхъ кометъ шли по дорогѣ, почти одинакой, нежели предполагать, что одна и таже комета являлась девять разъ въ столь различныхъ видахъ? —

И такъ на обсерваторіи села Спасскаго, вольнопрактикующій астрономъ, какъ Лезгинецъ среди имперіи астрономической, дѣлаетъ первый набѣгъ свой такимъ заключеніемъ: Возвратъ Галлеевой кометы доселѣ еще не доказанъ и даже напрошивъ, есть много весьма основательныхъ причинъ (:кои и приведены выше:) думать, что одно желаніе утвердить систему Невтонову, какъ бы то ни было, вовлекло астрономовъ въ ту ошибку; что они усиливались натянуть въ пользу сей системы опыты, долженствовавшій под-

твердить ее, нѣсколько поропливо и не совѣмъ искренно; что, посему, комета Галлеева, съ ея возвратами, принадлежишь, досель, къ мечшамъ астрономическимъ; и пророчество о ней нашихъ мудрецовъ можешь въ 1835. году не сбыться, точно такъ же, какъ предсказаніе ихъ предшественниковъ не сбылось въ 1789^{мъ}. — Мы почишаемъ обязанностію, въ семъ первомъ засѣданіи сельской обсерваторіи нашей, предупредить о томъ всѣхъ ожидателей кометы 1835. года и вообще любителей кометъ, для удовольствія которыхъ и представляемъ у сего самыя схожіе поршреты шестипи изъ нихъ, кои приняты были за возвратную Галлееву, съ тѣмъ, чтобы они сами выбрали: подъ копорою изъ сихъ фигуръ желаютъ они, чтобы явилась ожидаемая ими въ 1835. году комета, ежели паче всякаго чаянія придетъ она? Ежели же не придетъ; то просимъ вспомнить, что мы вынули соломенную подпорку у Невпоновой кометной системы и опчасши у всѣхъ ценшробѣжностей физическихъ, химическихъ и философскихъ, со всѣми ихъ тягопѣніями, спремящимися подавить Кринъ сельный. Просимъ вспомнить и чердакъ села Спасскаго, съ копораго въ первый еще разъ, у насъ на Руси, великія астрономи-

ческія таинственності пущены въ свѣтъ, совершенно доступными для каждаго, кно умѣ-
еть чипать. — Ежели же поговорка сія най-
дешь охотниковъ, то мы посягнемъ и далѣе,
для чего и выберемъ изъ Философскаго мозаика
нашего другой приличный кусокъ съ коме-
тами, на которомъ видна будешь вся исторія
сихъ явленій, отъ Гермеса Трисмегиста (1928^{мѣ}
лѣтъ до Р. Х.) вплоть до 9. Нра Санкшпепер-
бургскаго Журнала (1832), — ежели не помѣ-
шаешь пау къ. — Вы опять смѣялись; но я
совсѣмъ не шучу. Въ самый первый разъ какъ
я успавиль аспрономическую трубу свою, —
(не подумайте, что это театральная труб-
ка, — она при вершка въ поперечникѣ), —
и началъ было очень удачно всматриваться
въ Сатурново кольцо, вдругъ паукъ вздумалъ
спускаться передъ самымъ стекломъ трубы
моей. Кажется бездѣлица, но онъ все раз-
спроилъ, и вѣроятно, помѣшалъ какому ни-
будь важному открытію. Но дѣлать
нечего, — прошу замѣнить паука моей об-
серваторіи; ибо онъ, повидимому собирается
играть на ней какое-то значительное лице. —
Доселѣ конечно не видно большой важности
въ сборахъ и составѣ моей обсерваторіи —
чердакъ, самоучка - аспрономъ и
пау къ; — но не шумите этимъ. Много

важныхъ дѣлъ въ мірѣ начинается скромно и тихоохонько. Желудь гніепъ въ землѣ, по которой спускаются лошади, бѣгаютъ зайцы, наконецъ выходитъ зеленый стебелекъ, наравнѣ съ правою, и эта былинка — потъ сънодиспивенный дубъ, на копоромъ поепъ соловей и орелъ отдыхаепъ!

Село Спасское, Генваря 17 1832 года.

М. Простодумовъ.

Замѣчаніе издателя.

Издатель признается, что былъ почтенъ пораженіемъ, прочитавъ сію статью. Убѣдившись на опытѣ, что Философія системъ новѣйшихъ мыслителей смѣшивающъ свѣтъ со тьмою, онъ однакоже какъ-то не осмѣливался цедовѣрять нѣкоторымъ теоріямъ новѣйшимъ въ собственномъ Физическомъ смыслѣ. Къ теоріямъ симъ принадлежитъ и законъ приращенія Невпоповъ. Будучи только любителемъ Физико-Математическихъ наукъ, онъ, согласно со многими ему до сихъ поръ извѣстными Философами подвластными Слову Божію, даже усиливался законъ сей и всѣ теоріи, которыя ему казались не имѣющими вліянія на науки Православно-Философическія, привеспи въ мысляхъ своихъ въ соотласіе съ Природопознаніемъ изъ Св. Писанія извлекаемымъ; и признается, что и теперь еще не почитаетъ соглашенія сего совершенно невозможнымъ. Однакоже прочитавъ 2. Опломокъ отъ Философскаго мозанка Г. Простодумова, онъ покрайней мѣрѣ призадумался. Принявъ за разрушеніе всѣхъ теорій цептробъжностей, даже физическихъ, и защищать мнѣніе Аристотелево о кометахъ показалось ему необыкновенно смѣлымъ: а пораздумавъ объ этомъ и прочитавъ кое-что, до этого отношщееся, со вниманіемъ, (особенно Шуберта *Nachseite der Natur*:

wissenschaft, который опчаспи согласенъ съ Г. Простодумовымъ въ мнѣніи о кометахъ, почипал ихъ также непостоянными явленіями воздушными въ высшемъ значеніи, которыя однакоже опъ того не перестаютъ быть, по мнѣнію его, образующимися мірами) — опъ подумалъ: чпожъ въ самомъ дѣлѣ за благодать такая законы Невтоповы? Если Г. Простодумовъ докажетъ, согласно съ Шубертомъ, что кометы не болѣе постоянны, какъ облака, что они зависятъ опъ законовъ намъ, не только не извѣстныхъ, но и вовсе непостижимыхъ; если даже докажетъ, что и планеты и спутники ихъ движутся такъ, а не иначе не потому, что пребуенъ того законъ, который названъ закономъ припжаенія, а потому, что воля Творца была опредѣлить имъ такое движеніе, и что законъ сей точно такъ же, какъ и всякій другой можетъ Имъ быть опмѣненъ, ибо не Опъ подчиненъ законамъ Своимъ, а законы Его Ему подчинены; если докажетъ вообще, что мы еще менѣе знаемъ свойсва и законы запланетные, нежели законы и свойсва подземные, и проч.: то что тутъ бѣды? Мы черезъ это неразувѣримся конечно, что изслѣдованіе нынѣ существующихъ и намъ доступныхъ законовъ и свойствъ Природы полезно и нужно: а выиграемъ то, что міръ намъ вѣдомый не спанемъ почипать центромъ и пропощимъ всего намъ невѣдомаго міра и не спанемъ почипать его неизмѣннымъ, вѣчнымъ и — до чего обыкновенно доходятъ сіи заключенія — Богу соприисущнымъ. — Съ нестерпимемъ ожидаемъ опъ Г. Простодумова еще опломка опъ Философскаго мозаика. — Надѣмся, что и Чипашели Радуги раздѣляютъ наше ожиданіе. Изъ сообщеннаго при семъ собранія осколковъ опъ Филос. моз. нѣкоторые ниже помѣщаются.

ЗАМѢЧАНІЯ МЕНЦЕЛЯ О ФИЛОСОФІИ въ Германіи въ 1829.

(Рецензія изъ Literatur-Blatt. 1829.)

(Окончаніе.)

Naturlehre des menschlichen Erkennens oder Metaphysik.
Von Dr. Trexler. Karau. 1828.

Я уже выше показалъ, какъ многочисленная школа Шеллинга, которую составляютъ глубокомысленнѣйшіе и гениальнѣйшіе мужи народовъ, въ религіозномъ направленіи, уклоняющемся отъ Философіи, раздробилась по разнымъ споронамъ, такъ что собственно одинъ только Окенъ оспался въ Натуральной Философіи и въ ней оградился какъ въ крѣпости. Каполичествующіе апостаты, равно какъ и піэпичеспвующіе, также какъ и Люшеранспвующій Спефенсъ покинули Философію какъ Философію. Трокслеръ напрошивъ того, опдыхавъ и молчавъ нѣсколько времени, пробилъ себѣ новый пупъ.

Какъ бы однако ни заблуждалась Натуральная Философія, все лежитъ въ ней сѣмъ Испины, которое все болѣе и болѣе и побѣдоноснѣ должно и будетъ развиваться. Въ семъ смыслѣ заслуживаетъ болѣе всѣхъ одобренія мужъ, каковъ Трокслеръ, которой съ одной спороны избѣгнулъ упрямства Окенова, съ другой опешупничества Конверпишова. Что уважипельнѣе: воиптъ о Натуральнофилософскихъ заблужденіяхъ своихъ, обвиняетъ себя самого въ беззаконномъ высокомѣріи, какъ Спефенсъ? или какъ Трокслеръ, сознаваясь не менѣе въ старинныхъ заблужденіяхъ своихъ, безъ паксивоспи съ мужеспвсною рѣши-

мостью пойми обратно по длинному пути заблужденія, чтобы открыть первоначальное уклоненіе онаго отъ пути истиннаго: Какъ поступилъ бы Кеплеръ, еслибы въ огромныхъ выкладкахъ своихъ открылъ ошибку? вѣрно бы не кинулъ ихъ раздосадовавши и разплакавшись, какъ ребенокъ игрушку.

Въ двухъ направленіяхъ преслѣдуешь сочинитель господствовавшій до сихъ поръ заблужденія Философіи, изслѣдывая въ историческомъ отношеніи всѣ системы Философскія, и въ психологическомъ — всѣ силы душевныя.

Въ обоихъ случаяхъ онъ оспорожно пользуется сравненіями и пѣтъ вездѣ открываетъ уклоненія къ односпоронностямъ и крайностямъ.

Съ необыкновенною ученостью и рѣдкимъ безпристрастіемъ опыскиваетъ онъ подъ множествомъ личинъ являющееся заблужденіе, основывающее всю Философію на созерцаніи разума. Ещѣ односпоронность, по его мнѣнію, виною, что Философія до сихъ поръ не имѣла прочной основы и какъ бы держалась на воздухѣ и, вмѣсто того чтобы быть положительною съ жизнью, какъ привидѣніе носилось надъ трупомъ ея. Замѣчанія его въ семъ отношеніи въ сущности совершенно согласующіяся съ мнѣніями Шуберта и Карганико. По сему

онъ также сильно нападаетъ на Гегеля, не измѣняя впрочемъ, какъ Ш. и К., истиннаго положенія Гегелева въ отношеніи къ Философіи. На 124. страницѣ сказано: »какъ нѣкогда великій Зевксисъ, споя за карпиною изображавшею корзину съ плодами, имѣлъ удовольствіе видѣть, что птицы, обманутыя видомъ нарисованныхъ плодовъ, прилетали клевать ихъ, такъ и Гегелю довелось быть свидѣтелемъ, какъ множество изъ его современниковъ починали нарисованное имъ въ видѣ чистаго бытія Ничто — началомъ Философіи. Наслѣдственный грѣхъ созерцанія состоитъ въ томъ, что оно плоды свои собираетъ съ древа познанія добра и зла, а выдаетъ ихъ за плоды собранныя съ древа жизни Философіи. То, что на дѣлѣ есть не что иное, какъ только отвлеченіе изъ сферы посредственнаго, впрообразнаго познанія, созерцаніе спавишъ на мѣсто существенныхъ первообразовъ и живыхъ идей, которыя человекъ находитъ данными въ его первобытномъ сознаніи и которыя Философія должна только, такъ сказать, проводить чрезъ различные роды сознанія и различными способами познанія образованъ до степени совершеннаго просвѣщенія въ духѣ. Первый созерцатель или спекулянтъ былъ Люциферъ, который хотѣлъ сравниться съ

Богомъ и съестъ на престолахъ міра.» — Болѣе или менѣе участвовали, по мнѣнію сочинителя, во всеобщемъ заблужденіи созерцаній разума и всѣ прочіе великіе философы.

Лишая разумъ способности познавать единство всѣхъ вещей, Трокслеръ полагаетъ внутри души живое единство, въ которомъ весь міръ сосредоточенъ какъ дерево въ стѣмени.

Вопръ основа новаго его ученія: Единство всѣхъ вещей заключается въ человѣческой душѣ. Въ ней заключается бездна всего Божественнаго, равно какъ и вся Природа. Все можетъ человѣкъ познать въ себѣ и чрезъ себя. Не только исторически посредствомъ Иисуса Христа, но и непосредственно и существенно соединенъ онъ съ Богомъ. Съ Природою онъ также соединенъ не только наружно, посредствомъ чувственности, но вся Природа находится непосредственно въ его чувственности. Въ душѣ же его заключено единство того и другаго, единство всего. Душа есть первоначальное, все-развивающее, все-объемлющее. Внутреннѣйшее же зерно души есть сердце, а его прошивуположная почка, почка его отраженія есть чувственность. Вокругъ сихъ двухъ почекъ горѣнія обращаются непрерывно, въ противоположныхъ направленіяхъ, двѣ силы души, двѣ Психи, одна — опръ сердца

низходящая, надчувственная, одухотворяющая чувственность, другая — опъ чувственности восходящая, подчувственная, превращающая духовность въ чувственность. Всѣ душевныя способности и всѣ внѣ души находящіяся явленія и вещи раздѣляетъ онъ по симъ двумъ почкамъ горѣнія, и двумъ непрерывно движущимся силамъ. Опважность сего ученія все однакоже скрываетъ въ своей поэзіи, какъ мнѣ кажется, старинную самимъ Трокслеромъ въ другихъ философахъ открытую ошибку. И живое единство его есть не что иное, какъ прекрасное представленіе вмѣсто сухаго понятія. Избѣжавъ силлы разума, онъ попалъ въ харибду воображенія.

Но такъ какъ я рѣшишельно ни о какомъ философѣ не полагаю, что онъ нашелъ истину, разгадалъ загадку міра и ищущу въ немъ одной силы и граціи, одной важности и красоты человѣческаго духа, то и Трокслера не могу прекнуть въ шомъ, что не вижу еще у него истины. Я только представляю себѣ величественную картину, которая отражается для насъ въ его духѣ, и не обвиняясь причисляю ее къ возвышеннѣйшимъ явленіямъ въ области Философіи. Его взглядъ на міръ возвышенъ и показывается сына Альповъ. Швейцарецъ смѣ-

лѣе сморгнуть съ высотъ своихъ вверхъ на небо и внизъ на землю.

Но его ученіе и въ другомъ отношеніи весьма любопытно. Оно совершенно Мистически-пантеистическое и имѣетъ связь со спаринною Нѣмецкою Мистикою Парацельза и Бѣме. Весьма важно и не можетъ быть безъ послѣдствій, — что новая школьная философія такимъ образомъ опять сближается съ давно-забытою Мистикою; — Мистика, основанная на чувствѣ и воображеніи, представляетъ одну сторону всѣхъ философскихъ стремленій, а школьная философія, основанная на разумѣ — другую. Обѣ имѣютъ основаніе свое въ человеческой природѣ и обѣ, какъ показываетъ Исторія, почти во всѣ времена шли параллельно одна съ другою. Обыкновенно Мистику даже не удостоиваютъ изученія, но это не унижаетъ ея значительности. Исторія Философіи упоминаетъ объ ней только поверхностно, но ниворенія ея существуютъ въ школахъ и она во всѣ времена имѣла множество приверженцевъ. Начиная отъ древнѣйшихъ мистерій на Востокѣ, отъ Пифагора и Платона непрерывная нить ея тянется чрезъ Каббалу, чрезъ Парацельзову философію, бывшую весьма обширною, чрезъ многочисленныя сочиненія Розенкрейцера, чрезъ секту Якова Беме, до Шве-

денборга и до новѣйшаго Магнетизма; вкругъ сей нити развивалась мистика изъ внутренняго зерна своего, хотя въ многообразнѣйшихъ метаформозахъ, но все одною и поюже въ сущности. Трокслеръ въ означенномъ сочиненіи соединилъ идущія параллельно пути школьной Философіи и Мистики; однако въ ихъ точкахъ, гдѣ пути сіи пересѣкаются, обращалъ онъ болѣе вниманіе свое на школьную Философію, нежели на Мистику и преимущественно освѣтилъ исторію первой. По крайней мѣрѣ замѣчанія его о Парацельсѣ и Беме случайны и не полны. Глубокое внутреннее сопношеніе мистиковъ всѣхъ временъ не довольно ясно обнаруживается въ его изображеніи.

Впрочемъ все великая и счастливая мысль — возвести школьную Философію на степень Мистики, и, на оборотъ, Мистикѣ дать ученую форму; и она принесетъ плоды въ Нѣмецкой Философіи, хотя бы только тѣмъ, что приготовили почвѣйшее испытаніе и достойнѣйшую оцѣнку древнихъ мистиковъ. Хотя я очень далекъ отъ того, чтобы мечтать объ окончательномъ достиженіи философской цѣли, ибо полагаю что самое стремленіе есть уже цѣль, и награда за работу заключена въ самой работѣ; но потому-то мнѣ и кажется Исторія Философій самою лучшею Философіею

и обозрѣніе и сравненіе всѣхъ философемъ единственнѣмъ средствомъ — узнать недоспѣшность всѣхъ мыслителей вмѣстѣ и ошибки и слабости каждаго, а равно и изящную спорную всѣхъ и частное достоинство каждаго.

Сколько бы ни была возвышенна Философія, все единственнѣмъ плодомъ ея усилій оспаривается одна Исторія Философіи, обозрѣніе — не истины самой, а только всѣхъ мнѣній объ истинѣ, взглядъ не въ сущность Божію, а только въ человѣческіе умы. Слѣдующее сочиненіе заслуживаетъ особенное вниманіе въ семъ послѣднемъ смыслѣ.

Beiträge zur Charakteristik der neuern Philosophie, zur Vermittelung ihrer Gegensätze; von Immanuel Hermann Fichte. Sulzbach. 1829.

(Къ Характеристикѣ новой философіи для уравниванія ея противуположеній.)

Г Иммануель Германъ Фихте сынъ великаго философа Фихте. Безъ сомнѣнія рѣдкое явленіе, что сынъ философа также посвящилъ себя Философіи, но еще болѣе рѣдко, что сынъ, хотя другаго образа мыслей, достоинъ отца. Г. Фихте не послѣдовалъ ни одному частному направленію Философіи; онъ старался главнѣйшія изъ всѣхъ сихъ направленій постигнуть вмѣстѣ и сравнить ихъ между собою. Довольно долго были философы раздѣлены; пора взгля-

нунѣ до чего кѣно дошелъ, нарисовать ландшафтъ Философіи или по крайней мѣрѣ уже существующія карны, которыя какъ извѣстно дурны и не полны, исправить.

Онъ дѣлаетъ обзоръ главнѣйшимъ философамъ новѣйшаго времени, начиная съ Лейбница, съ отношеніемъ ихъ и къ прежнимъ приготовительнымъ системамъ Декарта и Спинозы. Слѣдуя времени, онъ слѣдуетъ и естественному ходу развитія науки, ибо одинъ философъ всегда только продолжаетъ другаго, исполняетъ и пополняетъ его, или образуетъ совершенно ему противоположную сторону. Сей ходъ развитія науки съ рѣдкою ясностью изображенъ сочинителемъ. Ближайшія почки въ изслѣдованіи суть — Локке и Лейбницъ, Кантъ и Якоби, Фихте, Шеллингъ и Гегель. Всѣ они образуютъ противоположности одинъ къ другому, но всѣ вмѣстѣ принадлежатъ одной определенной сферѣ Новѣйшей философіи. Хотя новая философія есть не что иное какъ только отрывокъ изъ Исторіи Философіи вообще, однако на нее можно смотрѣть и какъ на особое цѣлое, ибо она совершила особый, ей свойственный, круговоротъ, который отличаетъ ее какъ отъ Древней философіи, такъ и отъ схоластики и мистики.

Важнѣ всего замѣчанія его о характерѣ Новой философіи вообще, и въ семь-то заключается весь результатъ его изслѣдованія. И онъ замѣтилъ, что общей причины заблужденія всѣхъ знаменитыхъ новыхъ методовъ и системъ искать должно въ односпороннемъ владычествѣ разума, и соглашающагося такимъ образомъ совершенно съ тѣмъ, что Трокслеръ съ такимъ побѣдоноснымъ оспроуміемъ выразилъ противъ похищенной разумомъ дикпантуры. Замѣчательно, что, кромѣ пятого, всѣ изъ изчисленныхъ сочиненій въ основной мысли между собою согласны.

Фихте сверхъ того сходящійся съ Трокслеромъ и въ томъ, что онъ сердце противопоставляетъ разуму, и права перваго защищаетъ противъ послѣдняго. Но онъ не отваживается, подобно Трокслеру строить собственную новую философскую систему, которая была бы основана совершенно въ сердцѣ и на сердцѣ; онъ только сердцемъ противопоставляетъ предѣлъ разуму, и утверждаетъ, что есть таинства сердечныя, которыя чрезвычайно важны для Философіи, и не могутъ разумомъ ни постигнуты быть ни опровергнуты, что слѣдовательно одинъ разумъ не можетъ разрѣшить всей задачи Философіи.

Особеннаго замѣчанія достойно, что говоритъ онъ о прошивуположныхъ припязаніяхъ сердца и разума въ отношеніи къ Религіи. Именно онъ замѣчаетъ, что разумъ ни какъ не можетъ допустить ни поскующей надежды, ни запрѣдѣльности, ибо онъ беретъ себѣ въ задачу намъ уже здѣсь объяснить Бога, міръ и насъ самихъ. Особенно ссылается Фихте въ семь отношеніи на ученіе Гегеля, который уже въ Настоящемъ видитъ цѣлое и полное Откровеніе Божественнаго и поскующую надежду принимаетъ только за нелѣпость разума, за болѣзнь которую легко можетъ излѣчить познаніе, однимъ словомъ — почитаетъ ее заблужденіемъ. Фихте даетъ ей гораздо высшее значеніе. Онъ почитаетъ ее необходимѣйшимъ и первоначальнѣйшимъ въ человѣкѣ, и старается доказать, что разумъ со всею своею ясностью никогда не будетъ въ состояніи обмануть нашего требованія высшей будущей жизни и высшей дѣятельности, основанной глубоко въ природѣ нашей, что слѣдовательно успѣшеніе Философіи никогда не въ силахъ замѣнить успѣшенія Вѣры.

Опдѣляя такимъ образомъ безконечное желаніе сердца опъ конечной удовлетворительности разума, Религію опъ Философіи, онъ требуетъ, чтобы обѣ онѣ признали взаимно

права свои и не желали выпѣснить одна другую. Онъ не впадаетъ въ ошибку, въ которую впалъ сочинитель пятой изъ приведенныхъ здѣсь книгъ, желающій въ идеальномъ единствѣ безусловно уничтожить обѣ противоположности. Онъ придерживается различныхъ припязаній сердца и разума, и хочетъ только чтобы они существовали вмѣстѣ, а не соединялись безусловно и не уничтожались другъ въ другѣ, что было бы не возможно.

Онъ надѣется, что Философіи предстоитъ новая и блистательная эпоха, ибо кажется, что чистая дѣятельность разума въ опвлеченіяхъ и созерцаніяхъ далѣе проспираться уже не въ состояніи, и потому снова должна обратиться къ давно-забытымъ требованіямъ и потребностямъ сердца. Углубленный въ самого себя разумъ долго пренебрегалъ весь осязательный и внутренній и внѣшній міръ человѣка. Теперь онъ, кажется, въ Гегелевой Логикѣ опдѣлался отъ занятія самимъ собою, и снова долженъ познать, что еще многое существуетъ кромѣ его. Онъ съ своей стороны самъ заставляетъ ожидать совершеннаго преобразованія Философіи, съ другой стороны вооружающаго противъ него припязанія сердца и жизни, отъ коихъ онъ былъ доселѣ отчужденъ. — Въ на-

стоящее, время соединенными стараніями отдельных, умовъ мысль философская достигла до такой внутренней зрѣлости и степени развитія, что сама собою раскрывается, дабы выйти изъ оплеченія и принять въ себя живое понятіе существенности, и это заставляетъ насъ ожидать въ Философіи совершенно новой эпохи, высшаго всеодушевляющаго преобразования. Формы оплеченности вездѣ ей спановаятся плѣсными и она сама собою побуждается освѣжиться воззрѣніемъ на вѣчную существенность. ... Предъуготовительныя пруды, совершенные глубокомысленными и богатѣйшими умами нашего времени, коими ученое наблюденіе Природы, во всѣхъ частяхъ соединенное и проникающее, Исторіи всѣхъ Вѣръ и народовъ, ведомыя духомъ Философіи, все болѣе ясное и самосознательное сближаются, такъ, что ихъ средоточіе вдали намъ уже ясно видится. Вообще великій результатъ, что уже ни одна наука не можетъ односпоронно преслѣдовать частныхъ и поверхностныхъ цѣлей, но что каждая въ своемъ родѣ старается раскрыть глубочайшее таинство бытія, что всѣ признають себя только частями одной главной науки — Истины, — все это не оставляетъ сомнѣній, что приближается новая эпоха, на крайнемъ порогѣ копо-

рой мы уже теперь находимся, которые первые упренніе лучи едва лишь начинаютъ показываться. — (Нѣсколько сокращено.)

Замѣчаніе издателя.

О сей статьѣ Менцеля починнымъ нужнымъ замѣнить слѣдующее. Чтобы быть вѣрнымъ живописателемъ физическаго или нравственнаго или умственнаго быта какого нибудь народа опредѣленнаго времени, должно непременно самому принадлежать или сдѣлать себя принадлежащимъ къ тому народу и сословію народа и тому времени, которыя должно живописать: но чтобы быть истиннымъ живописателемъ, т. е., такимъ, который въ состояніи не только изобразить вѣрно всѣ измѣненія въ описываемомъ, но и предсказать истинныя причины оныхъ и надлежащимъ образомъ оцѣнить ихъ, — для этого, думаемъ, непременно надобно быть принадлежащимъ къ описываемому быту, народу и времени, т. е., не принадлежать болѣе, перестать принадлежать. — Руководствуясь снмъ положеніемъ, мы выбираемъ для Радуги изъ иностранныхъ журналовъ списки либо такіе, которыя находимъ вѣрноизображающими, настоящее состояніе того быта народа, о которыхъ предположено говорить въ Радугѣ, либо такіе, коихъ сочинители хотя опечали возвысились надъ своимъ временемъ и народомъ и, ставъ на точку Христіанства, смотрятъ на предметъ свой уже менѣе сквозь радужное сіяніе человѣческаго ума, нежели сквозь чистый свѣтъ Христовъ. Нашъ журналъ хочетъ быть радугею, т. е., онъ намѣренъ по мѣрѣ возможности изображать въ себѣ всѣ образы пониманія умомъ человѣческимъ быта Испаніи. Но въ тоже время журналъ нашъ хочетъ при всякомъ удобномъ случаѣ доказывать, что радуга есть радуга, а не солнце, и что воззрѣнія ума человѣческаго на Мудрость Бога ничто также временны, какъ радуга. Если радуга послѣпопояная есть завѣтъ міра данный человѣчеству Богомъ, то это, думаемъ, именно означаетъ, что Богъ снмъ

символомъ показать человѣку снисхожденіе къ послѣдственной слабости его и не сильному уже видѣть блеска превѣчнаго свѣтила Истины, соблаговолить показать цвѣтисное отраженіе онаго, какъ бы зарю самого грядущаго въ міръ Свѣтила. И если семь Церквей первобытныхъ, основанныхъ Апостолами Бога воплощеннаго, суть та радуга, которою и въ Небѣ окруженъ престоль Троицоспаснаго (Иезек. гл. 1, ст. 26.), то Церкви сіи суть также не что иное какъ радуга Новозавѣтная, предвѣстница того великаго дня, когда, послѣ истребленія всего земнаго огнемъ небеснымъ, Свѣтило превѣчное во второй разъ и уже въ непѣнной славіи низойдетъ на землю и — вся собою исполнитъ.

Философствованія самого Менцеля мы не помѣщаемъ еще въ число цвѣтовъ радужныхъ: оно принадлежитъ къ тѣмъ философствованіямъ, которыя избираютъ себѣ какую-нио середину, только даже и не золотую. Оно не подходитъ ни подъ одинъ цвѣтъ радуги: оно еще слишкомъ какъ то тускло, сѣро. Что, напримѣръ, значить подхваченное имъ Шиллерово выраженіе: »духъ нашъ сужается въ тѣсномъ кругу, а съ великими цѣлями роспѣтъ человекъ?« Какъ ни роспи Эзопова лягушка, а все съ быка не вырастетъ. Если же, пока не лопнула, и вздуется пузыремъ, такъ что въ томъ проку, кромѣ того, что два шри болопа огласятся расквашиваніемъ объ отважной Гиганткѣ? А чтобы сужался въ тѣсномъ кругу духъ человѣческій, этому намъ не удалось еще научиться, или лучше сказать не удалось еще снова въ этомъ убѣдиться (потому, что кто не имѣлъ подобныхъ мыслей?): мы напророчивъ думаемъ, что высоко и далеко летающій духъ несравненно суженіе духа, который во всю жизнь только собственное свое сердце читалъ и выучивалъ: сердце тотъже міръ, только по меньше, тотъже храмъ Божій, то оскверненный, то болѣе или менѣе чистый. Можетъ сказать Г. Менцель, что изученіе собственного сердца не тѣсный, а также обширный кругъ: но послѣ этого не знаемъ, можетъ ли вообще для безсмертнаго духа человѣческаго какой нибудь кругъ быть тѣснымъ. Чтоже касается до великихъ цѣлей, то не знаемъ, чѣмъ въ общемъ

составъ челоѣчества цѣль фабричнаго, навѣртывающего булавочныя головки, меньше цѣли всемірнаго философа? развѣ пѣтъ только, что послѣднему не рѣдко случается повертывать и перевертывать головки челоѣческія. — Дальше Г. Менцель, силясь опровергнуть неоптениую мысль, что Философія свойственна только юношескому возрасту, говоритъ, что въ насъ вѣкъ боится Философіи есть слабость и пр. Изъ выисокъ сдѣланныхъ Г. Менцелемъ мы не замѣтили, чтобы Г. Шубартъ и Каргандко боялись Философіи. Да чего и боялись въ Философіи? Зубоса она, правда, иногда, перескавая бытъ спронпельницю городовъ; не клади ей пальца въ ротъ: но кто мыше не совладаетъ съ нею? Нагайка обстоительствъ уходила, кажется, наконецъ этого гордаго коня свободы и онъ спалъ красиво и полезно лонадью, какъ бы сознавшись, что не Богъ знаетъ чѣмъ выше другихъ живописныхъ служащихъ челоѣку. При такомъ взглядѣ — замечаніе Г. Менцеля, что правило совершенства должно бытъ и къ Философіи приоровано, было бы превосходнымъ. — Изъ прочихъ замѣчаній Г. Менцеля намъ особенно странными показались тѣ, въ которыхъ онъ не видитъ, что Философія не можетъ бытъ спавима на одну доску съ Вѣрою (*), а пѣтъ менѣе вводиима въ состязаніе съ нею.

Наконецъ очень бросается въ глаза опчаніе Г. Менцеля, когда онъ, очень справедливо не ожидая опъ философотъ разгаданія загадки міра, ищетъ утѣшенія въ исторіи Философіи, вѣруя, что амо философствованіе есть награда за философствованіе. Впрочемъ многія замѣчанія Г. Менцеля занимательны. Замѣчанія его на Мистику показались намъ справедливыми. Но главное достоинство спавимы — историческое: вѣрный списокъ философскаго быта Германіи до 1829. года.

Не распространяясь о разобранныхъ имъ сочиненіяхъ, опчасни и намъ извѣстныхъ, замѣтимъ только, что система Трокелера еспь, не спонря на прославленіе ея Менцелемъ, не

(*) Но этому особенно, кажется, причиною слово Religion, которое болѣею частью упопребляюшь въ смыслѣ нашего слова: Вѣра, вмѣсто Glaube.

вное что-нибудь, какъ шажа пленившаяся Натуральная философія, только не множко опамнившаяся. Однакоже по и правится, какъ замынно, Г. Менцелю, что въ Трокслеръ Натуральная философія только не множко опомнилась, а не совсѣмъ. Трокслеръ, кажется, многому увѣровать: но все это увѣрованіе хуже жидовскаго, поному что хочеть обойтись безъ воплощеннаго Бога, безъ Иисуса Христа. — О плаксивосши, которую приписывася Г. Менцель Стеффенсу, говоря о Трокслеръ, нечего съ нимъ спорить; ибо, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, не Г. Менцелю судить о Стеффенсѣ. — Изъ всей спашьи намъ особенно понравились пирады, выписанныя Г. Менцелемъ изъ книги Гг. Шубарна и Карганико. — О книгѣ Г. Фихте скажемъ нѣсколько словъ послѣ. —

ДУМА

надъ гробомъ Наполеона.

(Вольное подражаніе Ламаршину.)

Средь Альповъ подвижныхъ, безбрежна океана,
 На дикомъ берегу угрюмыя скалы,
 Косматой ивой осыпленной,
 Бельситъ камень гробовой! . . .
 Еще не вросній въ землю
 И чуть травой прикрытъ
 — Въ правѣ разбиный скиппръ!

Тутъ видно погребенъ . . . но кто? — спроси вселенну
 Объ имени его! —
 Отъ Нила до Москвы, отъ Тибра до Эвфрата
 На бронзѣ, мраморѣ, на храбраго груди,
 Въ развалинахъ столицъ, на пепелищѣ весей
 Оно написано —
 Кровавою широкой!

Ни чье такъ быстро не летало
Въ ударахъ громовыхъ,
Ни чье такъ громко не спеналось
На столькихъ языкахъ! —
Во всѣхъ предметахъ міра,
Какъ гробъ — его слѣды,
И — вопъ послѣдній здѣсь!

Здѣсь самъ онъ весь! — Тремя шагами
Ребенокъ мѣряетъ его;
Солдашъ Брипанскій попираетъ,
Свисая народну пѣснь, его пустынный гробъ;
По гордому челу, гдѣ дума громопосна
Випала сполько разъ —
Ползетъ могильный червь!

И колыбель его, и гробъ, покрыты пучей
Онъ выблеснуть изъ ней и — разгромлялъ
Безъ имени еще! — Такъ волны Нила,
Среди Мемноповыхъ пуспынь,
Свирѣпыя въ испокъ,
Крушатъ и ломаютъ все —
Не названы еще!

Онъ спалъ, какъ грозно привидѣнъ,
Межъ храмовъ запертыхъ, прешоловъ безъ царей. —
— Побѣда вознесла его на крыльяхъ —
Цареубійцами онъ пареченъ Царемъ!
— И бурный вѣкъ, въ кровавой пѣнѣ
Унесши нравы, проны, алтари,
У ногъ его зачихъ!

Ахъ есплибъ онъ тогда, какъ Монкъ или Пожарекій,
Царя законнаго слуга,
Поднять изгнанника Державна
На свой побѣдный щипъ! —

Какой святой, бессмертной славой
 Онь былъ бы озаренъ —
 Сей воцаряющій солдатъ!

Но слава, честь, добро ему казались звукомъ
 Удара въ мѣдъ или эха горъ! —
 Глухорожденъ къ языку чувства,
 Онь слышать могъ лишь звукъ мечей,
 Лишь пушекъ громы,
 Пожаровъ трескъ,
 Спешащее жерпѣ и звукъ цѣпей!

Лишь гордостью дыша, онъ ощущалъ презрѣнье
 Къ всему, чѣмъ свято на земли;
 Не зналъ другой причины міру,
 Какъ ту, чѣмъ царствовать надъ нимъ.
 Хотѣнія его — спальные спирѣлы,
 Лептѣли къ цѣли — безъ препонъ,
 — Хомякъ сквозь грудь друзей!

Любилъ — шрепать волнисту гриву
 Товарища побѣдъ, Арабскаго коня,
 Когда, гордяся имъ, онъ вихремъ
 Сквозь сѣтѣны огненны скакалъ,
 Или, славы баловень игривый,
 Припрыгивалъ
 Подъ кликами шоржествъ!

Лежало сердце безъ движенія
 Подъ хладною его броней.
 Безъ чувства любви и гнѣва,
 Онь мыслѣю жилъ одной —
 Орелъ — съ подоблачнаго кедра
 Онь на землю смогрѣлъ —
 И когти расправлялъ!

Онь въка своего былъ чудомъ и загадкой,
 Опчаемъ зависть и кинжалы приручилъ.

И шапку мятежей кроваву,
И шлемъ Диктатора,
Железную короу,
И Кесарскій вѣнецъ
Подъ лаврами носилъ!

Издаде бунта, проновъ разрушитель,
На тронъ Генриха сидѣлъ;
Стрѣлявшій въ алтари (*), поклонникъ Магомета (**),
Христовъ алтарь возстановилъ,
Писалъ законы — беззаконный;
б рызганъ кровію своихъ царей,
Онъ возмечталъ роднею бытъ царямъ — и былъ!

Онъ рушилъ царства, дѣлалъ новы
И ихъ солдатамъ раздавалъ.
Слепаго рока обожатель,
Въ своемъ вертепѣ золотомъ,
Игралъ судьбого міра,
Какъ свѣшопатшвенна рука
Сосудомъ алтарей!

Но вопъ — въ судъ небесной правды
Последнее зерно упало на вѣсы!
И — страхъ царей, народовъ диво, —
Великій прахъ,
Сметенъ на островъ океана, —
И три тага земли
Ему оставлены въ удѣлъ!

О! какъ желалъ бы я проникнуть
Во мрачну глубину унылыхъ думъ своихъ,
Когда, сложивши руки
На грудь широкую свою,

(*) Генералъ Бонапарте, стрѣля карпечью въ народъ Парижа повредилъ спѣну въ церкви St. Roch.
(**) См. Прокламаціи его въ Египтѣ.

Ты на прошедшее величье —
Съ пустынные скалы — смотришь,
Какъ на проханный туманъ.

То мостъ громами осыпаетъ
И пы со знаменемъ на немъ! —
То шумъ священный Иордана;
То вѣчныхъ пирамидъ гигантскій спанъ,
То Вѣна, то Берлинъ, то роковое пламя
Безсмертнаго Кремля!
То бывъ Но чѣмъ пы пораженъ?

Предъ кѣмъ блѣднѣешь пы безстрашный?
— Въ мерцающъ факеловъ
Лежашъ, подъ башней древня замка,
Во рву, героя молодого шрупъ. —
Онъ привсѣаетъ — и на чель убійцы рдеетъ,
Не спертая вѣщомъ,
Кондеевъ славна кровь!

Злодѣй! — Но вотъ и твой бѣсъъ часть послѣднѣй,
— Успало Небо ждашь! Ахъ! еспилбъ хощъ теперъ
Ты могъ взглянуть на Небо
И имя произнесъ Того,
Чѣи на крестъ обѣщашъ,
Еще простершы и къ тебѣ!
— Но пы ужъ шрупъ и — молнѣя блеспитъ!

К. ц. и. г. м. —

АННА МАРГАРЕТА ЦВАНЦИГЕРЪ.

Истинное происшествіе.

(Продолженіе.)

Передъ отъѣздомъ Цванцигеръ оставила
письмо Г. Гебгарду, въ которомъ съ чувствомъ

пеленосью упрекала его за неблагодарность, копорою опивчалъ онъ той заботливости, съ какою она ему служила, и нѣжности и любви, съ коими она ходила за любезнымъ ей ребенкомъ. »Когда дитя ваше (споймъ между прочимъ въ письмѣ) не захочетъ быть спокойнымъ, то духъ-хранитель мой скажетъ вамъ: зачѣмъ лишилъ ты ее любезнѣйшаго ея предмета? Спросите недѣль черезъ шесть обо мнѣ, вы услышите: ея нѣтъ болѣе! и тогда горе вашему сердцу, оно сокрушится. — Горе тому, кто оклеветалъ меня передъ вами.« Попомъ желаетъ, чтобы Богъ наградилъ его за все добро, какое онъ ей оказалъ, проситъ его о продолженіи дружбы и общается каждыя двѣ недѣли писать къ нему. — И дѣйствительно писала ему изъ Байрейша, гдѣ остановилась въ домѣ мащери покойной Гжи. Гебгардъ, какъ другъ ихъ фамиліи, и изъ Нюрнберга, куда черезъ четыре недѣли переехала изъ Байрейша. Во всѣхъ письмахъ уведомляетъ она Гебгарда о здоровьи своемъ, о хорошемъ приемѣ ея повсюду, о видахъ своихъ на новыя мѣста, спрашиваетъ о любезной маленькой Фридерикѣ своей, о здоровьи ея, посылаетъ ей поцѣлуй, и неоднократно намекаетъ, что готова бы охотно возвратиться въ домъ Г. Гебгарда. Писала и къ другимъ лицамъ,

къ Глазеру и пр., копорому также предлагала снова услуги свои. Не получая однакоже приглашеніельныхъ писемъ, на конецъ отправилась во Франконію, въ Майнберигеймъ, къ зятю своему, переплетчику Зауеру. Но Зауеръ не жилъ уже съ дочерью ея. Онъ развелся съ ней судебнымъ порядкомъ за то, что она оказалась виновною въ кражѣ и разныхъ обманахъ и приговорена была къ заключенію въ смирительный домъ. Шенлебенъ приѣхала къ бывшему зятю въ то самое время, какъ онъ игралъ вторую свою свадьбу. Этимъ неожиданный случай побудилъ ее вскорѣ опять отправиться въ Нюрнбергъ. Но едва приѣхала она туда, (18. Октября 1809), — какъ явились служители Полиціи и взяли ее подъ стражу.

По отъѣздѣ ея изъ Санпареля Гебгардъ узналъ между прочимъ отъ захворавшихъ горничныхъ, что она наканунѣ отъѣзда, приводя разныя вещи въ порядокъ, насыпала изъ боченка въ кухонную солонку свѣжей соли (причемъ на вопросъ одного изъ слугъ: для чего она это дѣлаешь? отвѣчала: такъ всегда должны дѣлать люди ошходящіе, чтобы пѣмъ долѣе прочіе оспавались въ услуженіи). Присоединивъ къ этому извѣстію, что, лаская дитя передъ отъѣздомъ, она дала ему кусочекъ сухаря, обмоченный въ молоко, и нѣко-

порыя другія свѣденія, Гебгардъ ужени въ чемъ не сомнѣвался, и поспѣшь пригласилъ Аптекаря, который нашель чпо соль въ солонкѣ была сильно перемѣшана съ мышьякомъ. (И въ боченкѣ нашлось въ послѣдствіи 30 грановъ мышьяку на 3 фунта соли.) Вскорѣ узнали, чпо и прочія вышеназванныя умершія особы захворали послѣ принятія пици или пинья. Наконецъ опкрылось, чпо и имя, Наннета Шенлебенъ, урожденная Шшейнаккеръ, было не наспоющее, и чпо загадочное лице сіе была вдова Нопаріуса Цванцигера въ Нюрнбергѣ, чпо она была урожденная Шенлебенъ, а Шшейнаккеръ было имя покойнаго ея опчима.

Гебгардъ представилъ 29. Сентября обо всемъ случившемся въ Байрейпскій уголовный судъ, и 3. Октябрия судъ опправился на мѣсто преспулений. 23. Октябрия вырыпо въ Казендорфѣ плѣло Юспицъ - Амппманши Глазеръ. Лѣжавъ 14. мѣсяцевъ въ могилѣ, плѣло весьма мало попоршилось; вся поверхноснѣ его покраймсь какъбы мумійнымъ опвердѣніемъ и кожа, по снятіи плѣсени, оказалась темнаго цвѣта, подобнаго цвѣту краснаго дерева. Эластическое опвѣрденіе особенно замѣчено было на полныхъ грудяхъ. Животъ, когда ударяли по немъ, издавалъ глухой звукъ. Опъ плѣла разносился сырнѣй запахъ. На другой день

вырыпы тѣла и Госпожи Гебгардъ и Громана; на первомъ оказались тѣже признаки; на последнемъ, уже болѣе поврежденномъ, замѣчено только отвердѣніе и упругость, и темной цвѣтъ кожи. Въ первыхъ двухъ тѣлахъ найденъ по химическомъ изслѣдованіи и мышьякъ. Судъ рѣшилъ, что первыя двѣ особы безъ всякаго сомнѣнія, а послѣдняя вѣроятно отправлены мышьякомъ.

Когда Цванцигеръ, по взятіи ея подъ стражу въ Нюрнбергъ, была обыскана, то нашлись у нея два сверточка съ кобальтомъ и одинъ съ мышьякомъ. Оцъ 19. Октября 1809. до 16. Апрѣля 1810. года Цванцигеръ не признавалась въ оправительствѣ. Наконецъ въ сей день, когда она, думая, что уже всѣ средства испытанія истины истощены, съ беззаботностью явилась въ судъ, то уголовный судія началъ неожиданнымъ для нея образомъ разсказывать ей, что опрыпо тѣло Юстицъ-Амшманши Глазеръ и проч. Цѣлыхъ два часа представлялъ ей судія доказательства сіи съ разныхъ споронъ: но она, хотя уже и явно измѣняла себѣ, вслѣски еще старалась скрыть истину, плакала, ломала руки, доказывая невинность свою; не связныя, опривистыя и связныя слова вырывались у нея

съ необыкновенною быспропою, и наконецъ высказала она темное и съ пляжкими клеветами смѣшанное признаніе, — что два раза давала ядъ женѣ Юспицъ-Ампмана Глазера. Но лишь успѣла сказать это признаніе, какъ вдругъ, какъбы громомъ пораженная, упала на полъ и въ ужаснѣйшихъ корчахъ до тѣхъ поръ капалась по немъ, пока вынесли ее изъ судейской комнапы.

Открыты слѣдующія пресупленія оправительницы:

1) Во время служенія въ домѣ Глазера. Здѣсь она сначала помирила жившихъ разнo супруговъ, для чего не только употребляла все возможно краснорѣчіе передъ Глазеромъ, но и безъ вѣдома его вступила въ переписку съ его женою, жившею тогда у брата, писала къ друзьямъ Глазеровой фамилии, писала даже къ сосѣднему Каполическому Патеру Мерцу (сама она впрочемъ бы Прощесшанпка), что бы онъ послужилъ молебень объ успѣхѣхъ этого дѣла. Замѣчательно что жена Глазера, за нѣсколько времени передъ прибытіемъ къ нему, между прочимъ въ письмѣ къ Цванц. говоритъ: »не могу вамъ сказать, что во мнѣ происходитъ; во мнѣ ужасное волненіе; не предчувствую ли я чего нибудь? я какъ бы помѣшана.« 22. Юля 1808. года, когда Глазеръ изъ Гольфельда

въѣхалъ съ женою въ Казендорфъ, стараніями Цванцигеръ приготоовленъ былъ блистательный пріемъ примирившимся супругамъ. Весь Казендорфъ былъ въ движеніи; полъ Глазерова дома повсюду устланъ былъ цвѣтами; спѣны и двѣри увѣшаны гирляндами изъ цвѣшовъ; надъ украшенною вѣнцами кроватью привѣтана была красивая бумажка съ словами:

Der Wittwe Hand
Knüpft dieses Band.
(Рука вдовы
Связуетъ сей союзъ.)

Цванцигеръ сама сочинила и своеручно написала списшокъ сей.

Не прошло мѣсяца, и Цванцигеръ приступила къ исполненію своего плана: подала Глазеровой женѣ опрaвленнаго чаю; а какъ это не подѣйствовало, то черезъ нѣсколько дней отправила чашку кофе споловою ложкою расведеннаго кобольша — и достигла своей цѣли: на десятой день жертва ея была трупомъ. »Когда я (говорила между прочимъ Цванцигеръ въ судѣ) выливала ядъ въ кофе, то подумала, увидя какъ онъ густѣ, »Господи, эта ужъ вѣрно умретъ!« (Herr Jesus, die muß gewiß sterben!) — Цванцигеръ было наклеветала на Глазера, что онъ самъ зналъ объ этомъ опрaвленіи и самъ содѣйствовалъ къ оному; но онъ оказался невиннымъ. Иричиною сего пресмущенія Цванцигеръ пред-

спавляла въ судѣ желаніе и надежду, провеспи въ домѣ Глазера спокойно оспалки дней своихъ; а жена его была тому препятствіемъ. Второе преступленіе было прежде сего, и не имѣло весьма вредныхъ послѣдствій; нѣсколько гостей послѣ ужина почувствовали разные припадки опѣ мышьяка.

2) Въ Громановомъ домѣ: Двое слугъ беспрестанно сердили ее и очень часто напивались пивомъ. »Я рѣшилась наконецъ (говорила Цванц. при допросѣ) испортишь аппетитъ ихъ и отправила двѣ кружки пива. Однако это оспалось безъ всякихъ послѣдствій; пошому, что они, хлѣбнувъ оправленного пива, оспавили его и спали пить изъ другихъ двухъ кружекъ, въ которыхъ вкусъ пива былъ лучше.« Нѣкто Гофманъ, навѣщавшій Громана въ болѣзни, однажды послѣ такого посѣщенія почувствовалъ сильныя припадки, какія бываютъ опѣ мышьяка. Но Цванц. не призналась въ этомъ случаѣ виновною. »Онъ могъ, говорила она, случайно напиться пива изъ оправленной кружки. Я же его, какъ человѣка солиднаго и честнаго, оказывавшаго вмѣстѣ съ женою мнѣ всегда уваженіе, очень любила, и пошому никогда не имѣла въ виду, хотя бы только дурному произвести въ немъ.« Жена Амманна Шея при подобномъ случаѣ также

захворала въ домѣ Громана, въ чемъ Цванц. однакоже никакже не признается. — Что касается до самого Громана, то хотя судебнo и не доказано, что онъ точно оправленъ, но обстоятельство говорятъ въ пользу этого предположенія. Не смотря на хворость свою, Громанъ намѣренъ былъ жениться. Цванцигеръ всячески старалась воспрепятствовать этому браку; старалась всѣхъ удалять отъ Громана, сама ухаживала за нимъ, подсманиривала письма, копорыя онъ писалъ и копорыя къ нему писали. Самъ Громанъ говорилъ однажды, что онъ недоволенъ домоводкою своею. »При каждомъ письмѣ воображаетъ она, что дѣло идетъ о женитьбѣ; она наспроситъ, чего добраго, не думаетъ ли, что я женюсь на ней?« Часно говорила она другимъ въ насмѣшку: »вѣчно хвораетъ человекъ, а все собирается жениться.« А когда онъ ужъ почти помолвленъ былъ, то замѣтила она брату его: »Невѣста вашего брата привыкла вести жизнь веселую; едвали ей понравится уединеніе Санпарельское; и не слишкомъ занимательно для нея будетъ, вѣчно быть сиделкою его.« Наконецъ узнали въ домѣ, что помолвка объявлена и — вскорѣ Громанъ захворалъ и умеръ. При допросѣ Цванцигеръ ссылаясь опять на то, что нѣже оправлен-

ныя кружки съ пивомъ могли случайно попасть въ руки Громану. »Я немогла съ намѣреніемъ оправивъ Громана, говорила она; онъ мнѣ былъ слишкомъ дорогъ; онъ былъ мое все; кусокъ, которъй онъ ѣлъ, я также ѣла. Онъ былъ мой другъ и пр.« Чиптапели вспоминавъ, что она послѣ смерти его была неутишна. Припворство ли это было или нѣтъ — неузнано. Ее водили къ могилѣ Громана: она и шупъ сказала: »Такъ, здѣсь его могила! Въ его смерти и въ смерти жены Гебгарда я не имѣю участія.« Но въ послѣдствіи призналась она въ томъ, что послѣдней давала ядъ. —

3) Въ Гебгардовомъ домѣ: Признавшись въ оправленіи жены Гебгардовой, она однакоже вопъ что прибавляеиъ: »Только для того, чтобы помучивъ ее, дала я ей яду, за то, что она меня также мучила. Я вѣдь не знала что эта оправа можеиъ ей вредить. А еслибы я знала, что она черезъ меня умреиъ, такъ сама бы легла въ гробъ съ ней. — Прежде того мы всегда жили мирно; она была моимъ лучшимъ другомъ, помогала мнѣ, гдѣ могла, хвалила меня, куда ни приходила; мы были какъ двѣ родныя сестры и пр.« Нѣкто Бекъ и вдова Алберта обѣдали у Гебгарда однажды и послѣ обѣда заболѣли. Цванцигеръ призналась, что оправила

ихъ немножко за то, что Бекъ дразнилъ ее. »Я находила, признаюсь, удовольствіе въ томъ, чтобы помучить такимъ образомъ ихъ, которые дѣлали мнѣ какое нибудь неудовольствіе.« Сверхъ сихъ случаевъ собраны свѣденія еще о нѣсколькихъ, которыхъ исчисленіе не пополнилобы изображенія характера Цванцигеръ, и которые пошому пропускаемъ. Объ оправданіи ребенка говоритъ она, что хотѣла привести его въ беспокойство, надѣясь, что Гебгардъ снова пригласитъ ее къ себѣ въ домъ для успокоенія души.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ГЕРМАНЪ и МАРГАРЕТА.

(Эстляндская повѣсть.)

Балтійскихъ водъ берега крутые
И замковъ башни въковыя
Одѣлись черной пелешой;
Какъ призракъ шепчетъ боръ густой;
Бушуетъ вѣтеръ, стонетъ берегъ,
Напоръ волнъ ярыхъ отбивая;
Луна, лишь изрѣдка мельская,
Сквозь тучи устремляетъ бытъ.

Кто тамъ на Тишарпъ (*) крутомъ
Непроходимомъ тропомъ

(*) Высокій утесистый берегъ недалеко отъ Ревеля, мѣстами застроенный хижинами и загородными домами.

Сквозь сроснууюся дичь тайкомъ
Идесть сподъ поздней порою,
Въ мѣстѣхъ гдѣ стоиють грозный валь, —
Одна среди пустынныхъ скалъ? —

То Маргарета молодая,
Забывши страхъ, презрѣвши стыдъ
Изъ замка своего спѣшишь.
Дошла и до нее вѣснь злая:
На брань все Рыцарство сзывалъ
Герольдъ Гохмейстера Конрада;
На Синипена Конрадъ возпалъ (*)

И вопиь предъ дѣвою ограда;
И вопиь въ окно мелькнуль огонь.
Домъ Германа; пѣсь старый восиь,
Гремнишь цѣтями; — рашный конь
Тамъ въ неперененъ землю роишь.
И вопиь высока спѣна
И дверь предъ дѣвою. Она
Коснулась къ пей и — покрывало,
Мелькнувши въ воздухъ, пропало.

Но, дѣва! брани обреченъ
Твой другъ, твой Германъ; предъ паломъ,
И предъ святымъ распянемъ онъ
Клялся — дышанъ кровавымъ боемъ!
Онъ меченосецъ, — не любовь
Волнуешь меченосца кровь!
Война — любовь его, забава!
Онъ жаженъ бури грозныхъ съчь;
Его кумиръ — опчизны слава,
Его краса — булатный мечъ;

(*) Прощивъ Эрцъ-Биспофа Синипена возпали меченосцы въ 1590. году, подъ Начальствомъ Гохмейстера Конрада Вааспродс.

Невеста — вѣра; трубный звонъ
И прескъ аптавровъ — клиръ въпечальный,
А брачно ложе — гробъ печальный!
Преспуныиъ горе, спроть законъ! —
(До слѣдующей книжки.)

Р. Ф. Бергъ.

Изъ переписки
ЖАН - ПОЛЯ РИХТЕРА
съ

ХРИСТИАНОМЪ ОТТО.

(Продолженіе.)

Лейпцигъ 30. Іюня въ Понедѣльникъ.

Сего дня прѣхалъ — тысяча вещей у меня на языкъ; начну хронологически и топографически и раскажу хопъ двѣ. —

Глеймъ и Галбершпадицы, и Галбершпадицъ и сосѣдство Гарца мнѣ очень понравились. — Глеймъ опъ чепырехъ до шести часовъ упра пишеть стихи, о появленіи которыхъ въ свѣтѣ не хлопочеть и не думаешь (полное собраніе его сочиненій вышло пропивъ его желанія.) — Въ немъ огонь и слѣпопа юноши, я люблю его неиспощимо; разскавалъ, мы оба плакали. 27 Іюля оппорвалъ я опъ него и долженъ былъ оспаться въ Ашерслебенъ у паспора Г. и вечеромъ былъ въ обществѣ

которое состояло изъ Консиспориальнаго Совѣтника, Ректора, Субректора, Бюргермейстера, Синдика, Доктора, которые всѣ, какъ видно было, собирались залучить меня на другой день на какой нибудь другой консилиумъ той стороны.

Эта увѣренность, что чернила мои продаются сквозь всѣ чиновническія одежды, очень часто меня радуешь.

Ахъ, ни одного не нахожу здѣсь человѣка по сердцу; нахожу людей, которыми могъ бы ученикомъ быть, а не другомъ. Я принужденъ здѣсь только смотрѣть, какъ усиливается хвалишь, любишь, и разгадывать меня.

Лена 24. Августа.

За ученымъ ужиномъ въ Среда были: Лодеръ, Б., младшій Гумеландъ, Фихте, другихъ незнаю. Фихте небольшого роста (я его воображалъ высокимъ), скромный и опредѣленный, но безъ геніальныхъ опимѣнокъ. Вездѣ со мною обходящійся съ любовью, особенно Шиллеръ. Ахъ слишкомъ я на вѣперъ болтаю съ людьми, и слишкомъ мало хлопочу о себѣ! Заспольныя рѣчи мои въ Дрезденѣ съ Шлегелемъ понудили, какъ говоритъ Гердеръ, братьевъ Шлегелей переработать, даже перепечатать

сужденіе ихъ обо мнѣ. Гердеръ полюбилъ меня еще больше прежняго. Онъ хочъ итъ чѣмъбъ я жилъ у него. Вчера ѣздили мы въ Тиффурингъ къ Герцогинѣ матери.

30. Августа.

Я ужиналъ у молодой Б., недавновыпедшій за мужъ. Небо окружаетъ и проникаетъ эту чепу. Нѣжнѣ, птверже, мечпапельнѣ, домовипѣ, любезнѣ сдѣлалась Б., вышедши за мужъ. Ахъ, какъ легко дѣвушка дѣлается и можетъ сдѣлаться всѣмъ, если только имѣетъ предметъ, для котораго бы могла напрягать силы свои. Волцогенъ — оппечатокъ моей К., свѣпла, не-принужденна, недрагоцѣнна, не смошрипъ писательницею.

Въ Воскресенье долженъ былъ я опять у нихъ быть, пошелъ однакоже къ Виланду въ Османнпепиъ. Виландъ высокій, прямой, краснымъ кушакомъ и по головѣ плашкомъ обвѣзанный, себя и другихъ умѣряющій Неспоръ; говоритъ много о себѣ, но безъ, гордоспи, нѣсколько Ариспипспвѣнъ и снисходительнъ къ себѣ и къ другимъ; исполненъ оппеческой и супружеской любви, но оглушенъ музами, шакъ, чѣмъ жена его однажды цѣлые 10 дней опъ него скрывала смерть одного изъ дѣтей; онъ не геніально возвышенъ надъ симъ міромъ,

не такъ глубоко проникаетъ какъ напримѣръ Гердеръ; превосходитъ въ сужденіяхъ о гражданскихъ и несполько въ сужденіяхъ о человѣческихъ отношеніяхъ; — меня онъ надѣляетъ пальмами, которыми многими дюймами длиннѣе его пальмъ, особенно за мои Сны и Лиспки Природы, и увеличилъ очень мою наружную гордость (внутреннюю никогда не увеличилъ); которая и безъ того уже росла, — слишкомъ уменьшивъ свое собственное достоинство; онъ жаждетъ опъ меня похвалъ его произведеній. — Ей ей, любезной Опшо, если земля такъ ничтожна, если она столько ниже всѣхъ моихъ ожиданій, что я самъ въ силахъ быть удовлетвореніемъ какого нибудь ожиданія, и если я что нибудь есть, то ни что не можетъ меня унижить въ потерѣ врожденныхъ, чуждыхъ, выискованныхъ идеаловъ, кромѣ увѣренности, что сіи люди сами выше того, что хвалятъ, почитая эту природою (потому что ихъ природа такова), но что, по крайней мѣрѣ въ половину, рождено механикою и прилежаніемъ. Ахъ! оспается только на выборъ, за человѣческую ли природу чувствованъ спыдъ, или за собственную свою.

Веймаръ 2. Сентября.

У Виланда долженъ я былъ, по причинѣ излишней рѣшечивости моего лѣпняго наряда, въ несноный холодъ надѣтъ его сюртуку, кошорой мнѣ принесъ самъ добрый пашріархъ, подносясь его краснымъ кушакомъ и расхаживающъ снарикомъ по его дому. Дай Богъ всякому спихонворцу такую домовишую, мягко прикасающуюся, пвердую, за всѣми желаніями мужа гоняющуюся, добрую, свѣшлую жену! Въ публичныхъ листкахъ чипали мы о сильной простудной болѣзни; она пошчасъ съ боязливостіи принесла мнѣ теплыя чулки. Виландъ умеръ бы опъея, а она опъ его смерти. Онъ рассказывалъ мнѣ свои сердечныя исторіи. Ахъ, сколько у меня гошовыхъ рассказовъ для себя; въ незамужнихъ и вдовыхъ дочеряхъ лежатъ прекрасныя сердца, только лица не удались. Жена его предложила ему за обѣдомъ (а онъ говоришь, что уже доупру обѣэпомъ думалъ), чтобы я посѣлился въ проппивулежащемъ домѣ, совсѣмъ бы пересѣхалъ изъ Лейпцига и у нихъ держалъ сполъ. — Онъ говоришь, что живетъ новою жизнью черезъ меня, и что всѣ меня любяшь. — Натурально, поштому что я ихъ заспавляю безпреспанно хохопашъ, и поштому что все сѣмейство долженъ любить. Я обѣщаль подумашъ. Однако

не идесть, попому что два спихотворца немогутъ бысть вѣчно вмѣстѣ и попому что я немогу носить никакой цѣпи, хоня бы она была скована изъ воздуха на мѣсячномъ свѣтѣ, и попому что я увѣренъ, что дѣло кончилось бы женитьбою моею на какой нибудь изъ его дочерей, а это пропивъ плана моего.

— — Сей часъ пришелъ я опъ Гердера, мы сидѣли нѣсколько часовъ одни въ бесѣдкѣ. О, любезный Оппо, какъ показанъ небѣ на подлежащей высотѣ эпомъ великой духъ, передъ которымъ мой маленький по испански и по турецки изгибаеися, эпого проникнутого божественностью человѣка, который ногами стоить въ эпомъ міръ, а головой и грудью возвышается въ другомъ, его помаваніе рукъ, его пѣніе и музыку расплавляющія слушателя, его упоенные, плывущіе глаза, его обнятіе всѣхъ вѣтвей древа познанія — хоня впрочемъ онъ только массы, а не частны обнимаетъ и вмѣсто дерева машерикъ, въ которомъ оно растетъ, колеблетъ. Уже не одинъ разъ распавался я съ нимъ вечеромъ со слезами. — Онъ скоро напишетъ Метакриптику на Криптику Канпа, который, какъ говоритъ онъ, глубоко погнулся передъ Гаманомъ. —

А-propos, я былъ и у Гётѣ. Онъ меня принялъ гораздо привѣпливѣе и ласковѣе, нежели въ первый разъ. Я зато былъ свободнѣе, смѣлѣе и менѣе чувствую, а попому болѣе основанъ въ себѣ. Онъ спрашивалъ меня, какъ Фихте мнѣ понравился. Я сказалъ: »это величайшій изъ новѣйшихъ схоластиковъ — поэмы рождаются, а философомъ можно себя сдѣлать, превративъ какую нибудь идею — въ трансцендентную, постоянную. — Новѣйшіе избрали свѣтъ самимъ предметомъ, которой онъ между тѣмъ только показывать долженъ.« — Онъ черезъ шесть мѣсяцевъ окончишь Фауста; говоришь, что »можетъ предсказать о работѣ своей за шесть мѣсяцевъ, потому что приготавливается къ такому разположенію духа обдуманною тѣлесною діѣткою.« Шиллеръ пьетъ шесть ложекъ кофе на одну чашку, пьетъ малагу и все; не всякій такъ умѣренъ въ кофе, какъ я. — И у прекрасной, живописующей и живописной и стихотворной Имгофъ былъ я, также у Короны Шреперъ — у Герцогини матери обѣдалъ; она непринужденна и дѣлаетъ непринужденными. Она и дамы ея чипаютъ меня; я много шутилъ надъ Шлегелемъ; ей хочется, чибобы я безъ шутокъ прошивъ него что-нибудь написалъ. — У Виланда былъ я въ другой разъ и все болѣе лю-

билъ его легкое, игривое, скромное — но все паки самохвальство.

Наумбургъ, Винорикъ вечеромъ.

Завтра буду я въ Лейпцигѣ. Мнѣ хотѣлось бы писать тебѣ съ каждой станціи. Б. рассказала всему свѣту, что ѣдешь въ Шотландію, и паки моему и твоему молчанію конецъ. Пусть теперь думаютъ, что брачное ложе наше простирается отъ Веймара до Гебридскихъ острововъ.

Лейпцигъ 27. Сентября.

Твое письмо, любезный Ошио, заслуживаетъ длиннѣйшаго отвѣта, потому что на каждой страницѣ въ немъ какъ бы по виноградной кисти. Но занедосугомъ вошь тебѣ отвѣтъ коронкой.

Дочь В.... — естълибы я хотя былъ и вдовецъ, то едвали бы женился на вдовѣ. Это смелости. — Дай дѣвушкѣ прекрасные глаза, прекрасной носикъ, цвѣтъ лица, рожокъ, лобъ, станъ, 18. лѣтъ, чрезвычайную чувствительность, образованность, познанія, крепость, высочайшее знаніе приличій въ обращеніи, дай ей отца и мать превосходнѣйшихъ, которыми бы прилично было щастіе любовника, и

передъ побою Виландова Дорошея; но такъ какъ ты неможешь лишить ее подбородка (болѣе плоскаго нежели круглаго), Лейпцигской шупливости, и неумѣнія вдругъ сказать да, также спраши разсуждать, что — самъ суди.

»Шлегель.« Я и безъ того никогда бы не спалъ пращишь моего времени и сердца на то, чтобы писать противъ когонибудь. Но дѣло шло не о моемъ защищеніи, а о гаши, копорую я могъ противупоставить его правиламъ.

Твое прекрасное разсужденіе о щасіи и достоинствѣ всегда было и моимъ, и только съ гордою слѣпою какойнибудь Б. или вообще женщины, можно жаловаться. Я самъ нанесъ шѣ лица, копорыми судьба бросаетъ мнѣ въ голову, или изъ копорыхъ выползаютъ василиски; — съ Гёте я спорилъ, защищалъ свое положеніе о движеніи міра впередъ. — »Круговое движеніе должны мы говорить,« сказалъ онъ. — *A priori* это слѣдуетъ изъ понятія о Промыслѣ, но не изъ каждаго *aposteriori* это видно. И прочтенную истину должно по прочтеніи еще самому изобрѣсти; мозговья норки наполнены сѣменами, для копорыхъ только чувство образуетъ цвѣточную землю и оранжерейныя куртины. Издатель карманной книжки — »Гермина« Докторъ Фишеръ,

хотѣлъ предложитъ мнѣ сто червонцевъ за употребленіе моего имени; но за описаніемъ моимъ взялъ неправду на свою душу.

Веймаръ 30. Нолбря.

Въ большемъ свѣтѣ я презираю мушинъ съ ихъ безрадостными радостями, уважаю женщинъ. Не смотря на то большой свѣтъ мнѣ нуженъ для испытанія духа времени, и я свободнѣе въ немъ, нежели въ свѣтѣ мелкогородномъ. Впрочемъ вчера сказалъ я Гердеру: когда я женюсь, то спрячусь въ самое маленькое гнѣздышко и высипаю только письменный палець. Ахъ, вы не знаете, каково въ душѣ моей; узнаете, это однакоже когда нибудь въ Типанѣ подъ другимъ именемъ.

Веймаръ 1. Декабря.

Жизнь моя здѣсь исполнена жизни. Умная и добродушная Амалія мнѣ все болѣе и болѣе нравится. Недавно пригласила она меня, Бешпингера, Гердера, (которой однакоже не пришелъ, потому что у него Капарръ, съ досады на правспвенныя и эстетическія ошибки Валленштейна, котораго представленіе онъ въ первый разъ видѣлъ) и нѣсколько придворныхъ — въ самое средоточіе Ишалін:

Ниландская пѣвица съ маперью, невыразимо милая, образованная, дѣшественная и въ поже время пламенная — сполько прекрасная, что Г** нѣсколько разъ спановился подлѣ нее, въ намѣреніи пожрапѣ ее, ибо будущѣ же она когда-нибудь пожрана при какомъ нибудѣ дворѣ, — пѣла хоня не съ такою вышлифованною металлическою звонкоспью, какъ наша Гагенманъ, но гораздо небеснѣе. При дворѣ бывш сполько пробуждену въ глубинѣ сердца, не въ дальномъ разспояніи опѣ него самого, опѣ молодого Графа Фр. и. пр., — много для этого нужно, однакоже и не болѣе тогоже самага волшебспива, которое похищаетъ насъ на крыльяхъ своихъ и пихо спускаетъ среди оранжей и золотыхъ звѣздъ Ипаліанскихъ. Ибо въ Ипаліи, въ чистой синевѣ, звѣзды блистаютъ не серебромъ, а золотомъ.

Веймаръ 17. Декабря.

Какъ мало читаетъ Гердеръ, (также какъ и Гёте и Шиллеръ и Фихте) можешь ты видѣть изъ того, что онъ прочелъ Якобіа о паралелизмѣ сполько потому, что я въ паракриптическихъ замѣчаніяхъ своихъ на его Метакрипику сослался на это сочиненіе; у Якоби же взялъ онъ прочесть его Спинозу.

Наконецъ кажется пора Веймаръ нѣсколько и почернить, сполько хваливши его. Во пер-выхъ — здѣсь воруютъ безпощадно. Во впо-рыхъ — причина дѣйствія — народъ здѣсь сполькоже бѣденъ, сколько прекрасенъ, п. е. вывороченный Лейпцигъ. Здѣсь болѣе учпш-востп, нежели въ Лейпцигѣ. Спрогая полиція. Въ 11. часовъ ночи иппи безъ фонаря, попа-дешъ на Гауптвахпу.

А-проpos, Каролина писала мнѣ, что она и Амѣне рѣшились избрать придворную жизнь. Только домашнїя обстоятельствова могутъ развѣ принудить ихъ къ этому. И я имъ только по этой причинѣ буду слабо описовѣтовать; по той самой причинѣ, по какой ни кому нена-мѣренъ описовѣтовать лептъ на Мѣсяцъ. Дворъ въ самомъ дѣлѣ Мѣсяцъ, съ тѣмъ только различїемъ, что въ немъ, не такъ какъ на Аріостовомъ Мѣсяцѣ, не приобретають разумъ, а лишаются его. Ни кто негодится менѣе для двора, нежели эпѣ двѣ въ свободной воз-духъ распуціа души.

Съ Гердеромъ я все глубже сроспаюся: 4хъ дней неможемъ мы быть въ разлукѣ. Передъ нимъ и его женою опкрываю я все свое сердце; въ Лейпцигѣ небыло у меня такаго повѣрен-наго. Обыкновенно прихожу я до 7. часовъ вечера опъ занятій моихъ къ его женѣ, по-

помѣ идемъ вмѣстѣ наверхъ къ нему, и до ужина пылающъ глаза и уста, и это продолжается до десяти съ половиною часовъ. Виландъ теперь нѣсколько дней у него, и мы каждый день вмѣстѣ; были однажды на волшебной флейтѣ.

Кромѣ Гердера здѣсь самая большая услада мнѣ, моя хозяйка. Никогда еще я небылъ такъ коммунально щасливъ. Она заботится обо всемъ, моемъ, когда я уѣзжаю, точно какъ мать моя, все, даже чернилицу, и я возвращаюсь домой какъ въ свое семейство. Дочь ея и зять, седельникъ, прекрасны и добры. Мужъ чиняетъ и срисовываетъ архиепископическія книги (онъ рапушной архиепископъ), и крутитъ лапушу вмѣстѣ съ нею для начинки гусей. Въ день его рожденія надарили ему чепыре пирога, а я бушылку малаги. Герцогиня мать говорила мнѣ, будто хозяйка моя много чиняетъ. Я спрашивалъ ее: это вышло отъ того, что она просила изъ библіотеки экономической лексиконъ; тамъ дивились этому. Я ей даю деньги отнюдь и безъ щету. Она достопочтенно-добра.

Такъ какъ весь свѣтъ съ тобою согласенъ и Якоби, и К^т: то я уже не хлопочу о моихъ Палингенезіяхъ, хотя они произошли на свѣтъ въ ужаснѣйшихъ любовныхъ мученіяхъ. Ахъ

Б. многое у меня опняла. — При 194. спра-
нищъ во 2. часни Палингенезій въ душѣ моей
посреди комической работы какъ буря по-
днялось намѣреніе принять ея руку.

Ахъ, ни какъ неудася мнѣ, какъ въ * * *
открытъ всю глубину сердца моего. О, если
бы ты былъ здѣсь у меня, посреди моихъ
ближайшихъ, передъ Гердеромъ, въ моей спа-
ринной комнатѣ, и если бы я могъ такъ
изливаясь передъ тобою! Это письмо ты
получишь въ день рожденія твоего, но тяжкая
сердцу бездна лежитъ между днемъ этимъ и
моими желаніями! Нѣтъ, мы небудемъ совер-
шенно щасливы до тѣхъ поръ пока небудемъ
видапся каждую недѣлю. Изъ головы моей
многое изчѣзло, что любви и дружбѣ прина-
длежитъ, но изъ груди ничего. О, мой добрый!
празднуй радостно твой новой годъ! только
не плачь много на сердцѣ другини нашей. —
Я ни какъ не могу думать о тебѣ и махери
моей съ сухими глазами.

4. Декабря.

Въ сравненіе съ вечеромъ Гердера ни какъ
неможешь иппи вечеръ проведенный на Реду-
пѣ. Тамъ встрѣчались мнѣ все прекрасныя
образы, но у каждого недоспавало чего нибудь
духовнаго. Сего дня думалъ я отдохнутъ (не

на лавровыхъ а на макѣ), но сей часъ приглашають меня съ Гердеромъ и Виландомъ на обѣдъ къ Герцогинѣ матери. Такіе обѣды приводятъ меня обыкновенно въ безпорядокъ, потому что они начинаются въ три часа, и что занимать надобно быть чрезвычайно умнымъ и занимательнымъ.

Веймаръ 28. Декабр.

Теорію Фихте о полахъ почишаю я совершенно ложною. — Но вопъ важная новость. По позднему лѣпу моему вѣую спраси. Та самая — впередъ я буду ея называть Типанидою для избѣжанія всякаго непріятнаго случая — копорая писала мнѣ первой разъ изъ Веймара ***, копорую я тебѣ называлъ Типанидою въ первое мое прибываніе здѣсь, та самая, съ копорою у меня была, какъ ты знаешь, однажды сцена въ Лейпцигѣ, гдѣ я въ пороховомъ магазинѣ курилъ табакъ, — нѣсколько недѣль тому назадъ приѣхала сюда и хочешь быть моею женою. — Не слишкомъ легко объясняй мое легкомысліе.

29. Декабря.

Дальше! старой образъ жизни скоро возвратился, только уже просвѣпленнымъ. Вскорѣ

послѣ ужина у Гердера, и другаго у нее, на кошпоромъ и онъ былъ у ней (онъ глубоко ее уважаетъ, и выше почишаетъ, нежели Б., и даже поцѣловалъ ее пламенно при женѣ своей) и послѣ того какъ опсвѣтъ эпического священнаго пламени упалъ на меня, она прямо мнѣ открылась.

Весною, Весною! — — — въ шрехъ словахъ! О! я эпой возвышенной, горячей душѣ черезъ нѣсколько дней послѣ того сказалъ: нѣтъ! Но великость, пылъ, краснорѣчіе какос я слышалъ, были причиною, что я согласился, что-бы она ничего не предпринимала въ пользу, а я ничего пропивъ эпического. Поэтому что она думаетъ, что сеспра ее и сеспринтъ мужъ, Президентъ, и родственники ея все сдѣлають, что надобно. Ахъ! и въ Маршѣ все, можетъ быть, кончится, т. е. свадьба.

Наконецъ я научился твердости сердечной — я совершенно безвиненъ — я вижу высокую геніальную любовь, которую здѣсь не въ состояніи нарисовать эпою черною водою — но она не отвѣтствуетъ моимъ грезамъ.

Я взбѣшенъ. Предсавъ себѣ! ровно въ прошедшемъ году, ровно когда я живописалъ Гермину, и теперь, когда я въ печатныхъ письмахъ къ тебѣ, въ Генварѣ намѣренъ снова нарисовать мою будущую жизнь и любовь,

тупъ возвращается опять эпа буря. — Сираннымъ образомъ садится судьба за мой письменной столъ и пишетъ за меня. Еще сиранныѣ воспитываюсь я для высокихъ цѣлей, которыя должны долѣе пребывать, нежели щасіе мое и могила моя. — Немогу тебѣ выразить въ какомъ близкомъ отношеніи къ моему Титану всѣ расчеты судьбы, ведущей меня чрезъ всѣ эпі огненные пышки внутри и внѣ меня, чрезъ Веймаръ и мимо эпіхъ женщинѣ. Ахъ! ничего я не ищу въ опустѣвшей жизни, кромѣ спокойствія, и не стараюсь ни чѣмъ инымъ быть, какъ только орудіемъ въ рукѣ судьбы; пусть заброситъ меня попомъ въ тихую пещеру, если ей эпо нужно. Пренія отношенія мои съ Б., завязали было глаза мнѣ и руки связали, и я можеть быть упустилъ сердце, которое мнѣ принадлежало. Долголи я буду такъ играть и надѣясь, и опказываясь, и все не въ попадѣ? такія женщины, какъ эпі двѣ, ослѣпляютъ глаза такъ, что попомъ нельзя видѣть тихой луны женскаго пола.

30. Декабря.

Прости мнѣ вчерашнія дурацкія коверканія моего духа. Я въ пылу хотѣлъ написать все, и все казалось мнѣ слишкомъ длиннымъ; 10

разъ чинилъ перо, и это раздосадовало меня. Родственниковъ ея обращающагося со мною прекрасно и съ любовью, и я могу спокойно спать передъ ними, потому что нѣтъ мое желѣзное и я много имѣю причинъ на него. Эту Типаниду гораздо легче преодолѣть нежели Б.; вообще совсѣмъ не спойти такъ плаксиво ломаться передъ перспективою, которая другимъ показалась бы небесными воробьями. Положеніе мое въ отношеніи къ дѣвицамъ теперь стало даже пруднѣе прежняго. Бѣдный я! прекрасная, невинная, ясная Г такъ застенчива. — Въ Февралѣ придетъ Б., а втораго Января Шиллеръ, и дастъ выпверживать своего Пикколомини и Валленштейна, изъ которыхъ первый будетъ представленъ въ день рожденія Герцогини.

Желаю тебѣ спокойно и свѣтло встрѣтить свой новый годъ. Ахъ, сколько бы я далъ за одинъ часъ, который могъ бы провести у тебя! —

(До слѣдующей книжки.)

ИЗЪ ИСТОРИИ ВОСПИТАНІЯ.

Спаршанское воспитаніе, Ликургъ.

Мы не намѣрены въ журналъ нашъ составлять теоріи воспитанія. Мы станемъ только, какъ сумѣемъ, разсуждать о Педагогѣ какъ объ искусствѣ, не вѣря, чтобы возможна и нужна была теорія для каковаго бы то ни было искусства. Можно

списать живую картинку со всякаго искусства, какъ Аристопель или Гораций списать съ искусства поэпическаго; любопытно и приятно взглянуть на такую картинку: но чтобы эпопъ списокъ былъ въ тоже время уложеніемъ для духа чело-вѣческаго, чтобы онъ спрѣлъ дѣятельности его былъ пепивною, — не вѣримъ. Искусство должно быть подражаніемъ подобія Божія — Богу: а Богъ творитъ безъ теорій. Лишенный сходства съ Богомъ чрезъ паденіе, чело-вѣкъ чрезъ разные опыты, чрезъ разные искусства и разными усиліями старается возвра-титься въ состояніе подобія Богу. Разсмотрѣніе сихъ опы-товъ, сихъ искусствъ и усилій его и систематическое распо-ложеніе ихъ въ рамки разума — не есть теорія, по которой ему дѣйствованіе надлежитъ. Уподобившись же снова Богу, онъ во всякой дѣятельности своей, во всякомъ искусствѣ будетъ безъ всякой теоріи умѣть подражать Богу, если только будетъ хра-нить въ глубинѣ души своей нѣ образы совершенства, которые впечатлѣваются въ немъ истинная Вѣра, если только не будетъ успавать спремиться дуохмъ къ нѣмъ священнымъ цѣлямъ, ко-торыя живописуетъ предъ духовнымъ взоромъ его числѣвшая Надежда, если наконецъ не будетъ переспавать пылать нѣмъ вдохновеніемъ, которое превѣчная Любовь возбуждаетъ въ вѣру-ющей душѣ его. — Избравъ Педагогію однимъ изъ предметовъ бесѣдованій нашихъ въ Радугѣ, мы намѣрены иппи двумя пу-тиями: 1) стараться посылно распознаваніе сквозъ туманный свѣтъ разума нѣ образы совершенства, нѣ священныя цѣли и по вдохновеніе, безъ коихъ искусство воспитанія не можетъ быть названо подражаніемъ Богу, и 2) представлять по воз-можности главѣйшія понятія людей о сихъ предметахъ въ раз-ныя времена. — Начиная съ послѣдняго, избрали мы для этого на первый случай народъ древнѣйшій въ Европѣ по образова-ности своей и самый прославленный изъ всѣхъ древнихъ наро-довъ, — Грековъ; а изъ Грековъ взяли Спаршанцевъ попому, что у нихъ прежде другихъ Европейскихъ соопечественниковъ ихъ (причисляя Крипъ къ системѣ Азіатской) явились законы и было обращено особенное вниманіе на воспитаніе. —

(*) Ликургъ, изъ королевскаго рода въ Спарте, родился, какъ обыкновенно принимають, въ 926. году до Р. Х. Сохранивъ престолъ для малолѣтняго племянника своего, самъ онъ отправился путешествовать. На островъ Критъ ознакомился онъ съ законодательствомъ Миноса. Пославъ опшуда опличнаго лѣвца, Талеса, въ свой отечественный городъ, чшобы сей предварительно занялся смягченіемъ нравовъ Спаршанскихъ посредствомъ лѣвнипелъныхъ пѣсней своихъ, — Ликургъ пустился въ дальнѣйшія путешествія. По преданію объѣхалъ онъ весь погдашній свѣтъ; изъ Египта черезъ Африку доспигъ до Испаніи, попомъ черезъ Азію до Индіи. Въ Іоніи замѣпилъ онъ съ неудовольствіемъ изнѣженноссть Азіатскихъ Грековъ. Но найденныя имъ здѣсь спихопворенія Гомера почелъ онъ весьма удобнымъ средспвомъ къ образованію своей націи. Спаршанцы усильными просьбами пригласили его въ отечесство. Оракулъ Дельфійскій, который онъ посѣпилъ, предвозвѣстилъ ему въ семъ случаѣ удачу его предпріятія — воспитанія народа, назвавъ его припомъ другомъ

(*) Извлечено изъ Исторіи воспитанія Шварца, который при семъ руководспвовался Плутархомъ, Ксенофонтомъ Ариспоспелемъ и и. др.

боговъ, болѣе богомъ нежели человекомъ. Составленные имъ законы были приняты и Пифіа прорекла, что Спарта будетъ процвѣтать пока оспанется при сихъ законахъ. Ликургъ при отъѣздѣ къ оракулу потребовалъ отъ соотечественниковъ, чѣобы они хранили законы сіи до возвращенія его. Пославъ упомянутое прорѣченіе Пифіи въ Спаршу, онъ уже не возвращался туда, а, какъ говорятъ, уморилъ себя голодомъ. Въ Спаршѣ построено былъ ему храмъ и установлено годовое празднество.

Чувство свободы, мужество, правдолюбіе, любовь къ отечеству, презрѣніе къ смерти, простота въ жизни и зависимость всѣхъ гражданъ отъ отечества, какъ частей отъ цѣлаго: вотъ основныя черты образованія, которое должно было дать Спартянцамъ Ликургово законодательство.

Законодательство его имѣло цѣлю воспитаніе народа вообще и юношества въ особенності. По этой причинѣ біографъ его, Плутархъ, даетъ ему преимущество даже предъ Нумою. Воспитаніе по законамъ его было единственно публичное. Основное положеніе его было: какъ всѣ граждане такъ и всѣ дѣши принадлежатъ Государству.

Если родители ихъ были граждане, то и дѣти ихъ рождались гражданами; рѣдко бывали исключенія.

По этой причинѣ особенное вниманіе законодательства было обращено на браки, которые принимаемы были за установленіе государственное, имѣвшее цѣлью доставлять Государству дѣтей, и дѣтей здоровыхъ и благообразныхъ. По сему безженство наказывалось разнымъ образомъ; такъ на примѣръ, холоспяки должны были зимою босикомъ ходить по рынку и пѣть поносительныя пѣсни прошивъ себя самихъ. Самое безженство почиталось также наказаніемъ, которому подвергались прусы, а иногда и сыновья ихъ, чтобы не распложалась пруселюва ихъ порода. Наказывались и поздно женившіеся; и даже не удачно женившіеся, по еспѣ ежели мужъ и жена были очень не сходны, лѣтами, ростомъ, силою.

Между разными средствами, служившими къ сближенію мужескаго пола съ женскимъ, замѣчательны нѣкоторыя по странности своей: юноши, на примѣръ, присутствовали при босвыхъ упражненіяхъ дѣвицъ, гдѣ дѣвицы были полунагія. Это однакоже довело женской полъ въ Спарти до чрезвычайнаго распутства, такъ, что Сократъ съ презрѣніемъ говорилъ о Спар-

панкахъ, а Эврипидъ, укоряя ихъ въ нецѣломудріи, и самую знаменитую Елену называешъ распутнѣйшею женщиною.

Такъ какъ дѣпорожденіе почиталось еднѣственнымъ цѣлю браковъ, то количество дѣтей доставляло олицу разныя выгоды: имѣвшій проихъ дѣтей освобождался опъ обязанности ходишь на городовую спражку; большее число дѣтей освобождало олицу опъ большаго числа повинностей.

Впорымъ основнымъ положеніемъ воспитанія было: здоровое и благовидное шло съ здоровою душою. Плунархъ говоритъ, что Ликургъ почиталъ неблагоразумнымъ, что бы на это было менѣ вниманія обращено, нежели на улучшение породы лошадей или собакъ. Для этого предписывалось между прочимъ слѣдующее:

1) Гимнастическія упражненія дѣвицъ; 2) наполненіе комнашы беременной женщины прекрасными картинами, какъ то изображеніями Аполлона, Гіацинта, Нарцисса, Кастора, Полидевка; 3) показываніе новорожденное дитя родовымъ спаршинамъ въ назначенной для того общесивенной залѣ, копорые слабыхъ и уродливыхъ дѣтей приказывали опносить въ ущеліе Тайгета, а здоровыхъ и благовидныхъ опредѣляли въ собственность Государству;

4) мѣшъ новорожденное дитя не водою а виномъ, полагая что хворое отъ того скорѣе умретъ, а здоровое будетъ сильнѣе; 5) не пеленать дѣтей; 6) приучать дѣтей къ разнаго рода пицѣ, къ посту, оставляя ихъ въ пощемкахъ и вообще опущать отъ своеправія; и. пр. — И родителямъ предписывалась въ извѣстное время презвость и умѣренность въ пицѣ, чтобы рождались отъ нихъ плѣдомъ и душою здоровые дѣти.

Приучать дѣтей къ плѣсной силѣ, проворству и храбрости, полагалось также въ обязанность родителямъ. Новорожденное дитя клали на щипъ для показанія назначенія его; иногда даже рождали женщины на щипѣ. По прошествіи семи лѣтъ отецъ обязанъ былъ, подъ опасеніемъ быть лишему права гражданства, отдавать дитя въ общественное воспитательное заведеніе; лишь Наслѣдникъ Престола не подлежалъ сему закону. Кромѣ плѣсныхъ упражненій, обращалось въ заведеніяхъ сихъ особенное вниманіе на внушеніе въ души дѣтей любви къ отечеству, повиновенія законамъ отечественнымъ, и пренебреженія богатства.

Съ семи лѣтъ ребенокъ менѣе подлежалъ власти отеческой нежели государственной. Отецъ могъ пребывать отчеза отъ сына

только въ немногихъ поступкахъ; могъ, на-
примѣръ, наказашъ его на мѣстѣ за ложь.

Эфоры, главные чиновники государственныхъ, имѣли и надъ сими заведеніями главный надзоръ. Для особаго надзора за юношескимъ избирался изъ почтеннѣйшихъ лицъ Педономъ, который назначалъ попомъ Эйреновъ или Иреновъ для смотрѣнія за особыми опдѣленіями. Опдѣленія сіи состоялись изъ дѣтей выше двѣнадцатилѣтняго возраста. Ирены были обыкновенно юноши лѣтъ двадцати.

Иренъ имѣлъ весьма великую власть надъ ввѣреннымъ ему опдѣленіемъ; дѣти должны были повиноваться ему безусловно. Онъ наказывалъ проспунавшихся оставляя ихъ безъ пищи, заспавляя пѣнь насмѣшливыя пѣсни, или кусая имъ пальцы, и ш. д. Педономъ наказывалъ также сѣрого и попому обыкновенно сопровождали его юноши съ плетками въ рукахъ.

Каждаго опдѣленія дѣти учились, играли, ѣли и спали вмѣстѣ. Пищу пригошворяли воспитанники себѣ сами; и для этого позволялось имъ воровать изъ огородовъ и домовъ что имъ было нужно, съ тѣмъ только чтобы не попадались, и въ противномъ случаѣ наказывались.

О чрезвычайной простотѣ пищи можно уже и изъ этого заключить, что все законо-

дашельство Ликургово имѣло цѣлю изгнать роскошь и изнѣженность изъ Государства. Черный сулъ извѣстенъ.

Главными упражненіями въ сихъ заведеніяхъ были гимнастическія, состоявшія въ борьбѣ и бѣганіи, въ метаніи дротиковъ, плаваніи и пр. Для сихъ упражненій были назначены мѣста, которыя вмѣстѣ съ пристройками назывались гимназіями. Большую часть дня проводило юношество въ сихъ гимназіяхъ.

Во вторыхъ приучали ихъ упражненіями правильно высказывать свои мысли.

Все прочее воспитаніе, умственное и нравственное, заключаюлось, кажется, въ томъ, что заставляли дѣтей учить наизусть и пѣть стихи славныхъ поэтовъ какъ-то: Терпандра Тиріея, Гомера.

Источники для Исторіи воспитанія въ Спартѣ: Plutarch de instit. Lacon.; Xenoph. de republ. Laced. — Изъ прочихъ сочиненій замѣчательны: Krigel disert. de Lycurgi legibus, quos Lacedaemone de puerorum educatione tulit, Lips. 1726; Rost de schola ex Persarum et Lacedaemoniarum disciplina informanda, Budissae 1761; Norberg de educatione puerili apud Spartanos, London 1796; Sparta, von Manse, 3 Bd. 1800.

Краткое жизнеописаніе Гофмана.

Э. Т. А. Гофманъ родился 1778. года въ Кенигсбергѣ. Въ тамошнемъ Университетѣ изучалъ онъ права. Съ начала опредѣлился въ испанскую службу въ Гросглогаускомъ Оберъ-Амтскомъ судѣ, потомъ переведенъ въ Берлинъ, въ 1800. году былъ Засѣдателемъ въ Королевскомъ Правленіи въ Позенѣ, въ послѣдствіи Совѣтникомъ Правленія въ Плоцкѣ и наконецъ въ Варшавѣ. Съ занятіемъ Прусской Польши Французскими войсками и отдѣленіемъ Польши отъ Пруссіи прекратилось его служебное поприще. Съ тѣхъ поръ Гофманъ кормился давая уроки въ музыкѣ; ибо онъ съ рѣдкимъ искусствомъ игралъ на разныхъ инструментахъ. Въ 1808. году дослуживъ ему Графъ Юліи фонъ Зоденъ мѣсто Директора музыки при ново-учредившемся Театрѣ въ Бамбергѣ; но здѣсь ему не поспѣлилось, и онъ отправился въ Берлинъ, гдѣ снова занялся преподаваніемъ музыки и былъ сотрудникомъ въ изданіи Лейпцигской Музыкальной Газеты. Распутная жизнь ввела его въ долги, и пошому онъ съ величайшею готовностію принялъ предложенное ему мѣсто Директора музыки въ Дрезденѣ, гдѣ и жилъ съ 1813. по 1815. годъ. По заключеніи Парижскаго мира онъ снова получилъ мѣсто Совѣтника при Королевскомъ Камерномъ судѣ въ Берлинѣ.

Первыя сочиненія свои помѣщалъ онъ въ вышеупомянутой Лейпцигской газетѣ. Одобреніе публки побудило его собрать разбросанныя сочиненія, привесити ихъ въ порядокъ и исправить. Они явились съ прибавленіемъ новыхъ подъ заглавіемъ: *Phantasiestücke in Callots Manier*. Въ 1816. году явились: *Die Eliriere des Teufels*, которые почитаются однимъ изъ лучшихъ его сочиненій. Въ слѣдующемъ году издалъ онъ двадцать три повѣсти подъ названіемъ: *Die Serapionsbrüder*, потомъ: *Die Nachtstücke* и до 1820. года продолжалъ безпрестанно издавать повѣсти, сказки, новости, изъ которыхъ почитаются лучшими: *Die Lebens-Ansichten des Kater Murr*, и *Meister Floh*. Между тѣмъ продолжалъ Гофманъ вести самую наобузданную жизнь, которая

накопецъ его ввергла въ и е щ а с ш н ю болѣзнь, прекрашвную днн его. Гофманъ умеръ въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ. Онъ испощенія, произведеннаго въ пѣть его распушною жизнью; вы-сохъ мозгъ въ позвоночномъ столбѣ, и всѣ опыты къ воз-бужденію жизненной дѣятельности въ немъ остались безуспѣш-ными.

Доспййна замѣчаніе закаленности духа Гофманова, неоспаив-лявшая его и при ужаснѣйшихъ тѣлесныхъ спрадаціяхъ до са-мой смерти: за чепверть часа до смерти дикшоваъ онъ еще одному изъ пріятелей своихъ сочиніе: *Der Feind*; а *Die Ge-nesung*, сочиніе которос онъ дикшоваъ также съ смершнаго одра, починался однимъ изъ удачнѣйшихъ. Мало того: адекою иропсію сверкаъ еще тогда духъ его: для возбужденія хотя на короткое время жизни въ померивавшемъ позвоноч-номъ столбѣ его, жли ему хребенъ раскаленнымъ жель-зомъ: пошчасъ послѣ сей операции воиелъ въ комнату прія-теля его Гицигъ, и Гофманъ — съ веселою миною спросилъ его, не слыишъ ли онъ, не пахнелъ ли жаренымъ. Другому прія-телю, вскореже послѣ операции поспившему его, сказаъ онъ на вопросъ: каково ему? »Теперь я безъ задержанія провезенъ буду на потъ свѣшъ: сей часъ меня пломбировали.«

Не челоѣку принадлежиъ судъ надъ симъ Типаномъ спик-хошворнаго міра, надъ симъ новымъ Рафаэлемъ. Гофману, ка-жется, определено было, жизнью и сочиненіями въ яркихъ крас-кахъ изобразить всю адскую привлекательность того состо-янія, въ которомъ живелъ челоѣкъ, расплавившійся всемъ су-щесшвомъ своимъ въ пылъ спрастей и попомъ оспекаившійся.

Какъ въ жизни, такъ и въ сочиненіяхъ его предметы и со-стоянія самые низкіе были съ предмспами и состояніа-ми возбуждающими удивленіе, и на ряду съ самыми изъ-исканными карриатурами — блистають привлекательнѣйшіе образы рзца искуснѣйшаго. Фантастическія игры его своенрав-наго воображенія, превышающія всякую дѣйствительность, не-давно одинъ Нѣмецкій Писатель сравнилъ съ фантастическими играми своенравнаго разума Гегелева: ислзя, кажется, сдѣлашь удачнѣйшаго сравненія.

Некрологъ Бонстеппена.

Нынѣшняго года 5. Февраля (п. ст.) умеръ въ Женевѣ знаменитый Ученый Викторъ (*) Бонстеппентъ, послѣ кратковременной болѣзни, 87. лѣтъ отъ роду. Бонстеппентъ родился въ 1745. году въ Бернѣ; происходилъ изъ знатнаго рода въ Цюрихскомъ Кантонѣ. Первымъ воспитаніемъ пользовался онъ въ Ивердюнѣ, а съ 19. года учился въ Женевѣ. Здѣсь былъ онъ ежедневно у Боннепа, Вольтера, Соссюра, Спалгопъ и другихъ отличныхъ ученыхъ. Отсюда отправился онъ въ Лейденскій Университетъ, потомъ въ Англію, гдѣ вмѣстѣ съ Греемъ жилъ въ Кембриджѣ, потомъ въ Парижѣ, откуда опять въ Бернъ; ѣздилъ часто въ Италію и наконецъ поселился въ Женевѣ, гдѣ и умеръ. Бонстепу и Иоганну Мюллеру онъ былъ искреннѣйшимъ другомъ. Отличнѣйшими сочиненіями его считаются: *Briefe über ein Schweizerisches Hirtenland* (Письма объ одной пастушеской странѣ Швейцаріи); *Scandinavien und die Alpen* (Скандинавія и Альпы); *der Mensch des Südens und des Nordens* (Человѣкъ Юга и Сѣвера); *Reise auf dem Schauplatze der Hecide* (Путешествіе по мѣстамъ дѣйствія Энеиды); и нѣкоторыя философскія и политическія разсужденія. Большею частью писалъ онъ на Французскомъ Языкѣ. Къ нему писаны знаменитыя въ Германіи письма Иоганна Мюллера (*Briefe eines jungen Gelehrten*). Свѣплый и рѣзкій умъ, чистота души и добросердечность суть отличительныя черты Бонстеппена, выражавшіяся въ жизни и въ сочиненіяхъ его. —

Осколки отъ Философскаго Мозаика.

1. Philosophi credula gens.

Сенека сказалъ: *Philosophi credula gens!* — и подлинно легковѣрный народъ. Мы видимъ, какъ они цѣлые

(*) Въ *Conv. Lex.* онъ названъ Карломъ. Думаемъ, что это его другое имя, ибо другаго знаменитаго Бонстеппена не знаемъ.

полвека доказывали физическую невозможность по-
топа по недостатку нужной на то воды. Но вдругъ для
сотворенія горъ осадкою, понадобилось имъ больше воды,
чѣмъ нужно было для всемірнаго потопа, — они
топчась погрузили въ ней Кордильеры. — Скажите имъ, что
гигантскіе памятники въ Перу сдѣланы изъ искусственнаго
камня, они опивчають: тутъ ничего нѣтъ кромѣ въ-
рошняго (*Lettre americ: T. I. lettre v. I. p. 93.*) Пока-
жите имъ Сибирскій камень, въ Петербургской Академіи, ко-
торый вѣситъ, ежели не ошибаюсь, 50 пудъ. — Это аэро-
литъ, скажутъ они, упавшій изъ облакъ и образо-
вавшійся тамъ такъ мгновенно, что досель еще
горячъ. — Заговорите же о земныхъ слояхъ; тогда совсѣмъ
иное. Перувианецъ могъ соснавить гранитъ, такой же, какъ
и въ облакахъ топчась образуеися; но Богу на-
добно трудиться шестьдесятъ тысячъ лѣтъ, чтобы сдѣлать
известковую гору. — *Credula gens!*

2. Однакоже.

Нѣкто писалъ изъ Франціи къ другу своему объ общемъ
ихъ припискѣ: »нашъ Р. имѣлъ все возможные права на такое
то мѣсто въ здѣшней Академіи . . . однакоже полу-
чилъ его.« —

3. Спрока въ исторію философскихъ системъ.

Пукевиль, въ своей извѣстной Исторіи возстановленія Гре-
ціи (пом. I. стр. 60.) говоритъ, что въ Турціи Дервиши, на-
зываемые Бектаджи, проповѣдуютъ, что Богъ есть
все и все есть Богъ; и что матерія не имѣла на-
чала, не имѣетъ и конца. — Странное сближеніе за-
блужденій! Плиній говоритъ тоже (*Hist. Nat. lib. II. c. I.*),
Шелингъ и многіе другіе Германскіе Философы, подъ разными

формами, говорятъ поже. И такъ одинакое ученіе соединяетъ въ совершенномъ единомысліи древнихъ Паншенство, Иліи́я, Дервиша Бектажди и Шелінга.

М. Просподумовъ.

Чувство при чтеніи Календаря.

Пусть Господа ученые крипики, такъ рачительно метущіе соръ у чужихъ воротъ, не даютъ и Календарю покоя; пусть и въ немъ описываютъ черновинокъ и соломинокъ для трудолюбивой мепиды своей! Мы съ Фомою Фомичемъ Фамусовымъ думаемъ, что и Календарь можно иногда прочесть съ чувствомъ, и съ большимъ чувствомъ, нежели иную поэму современную. Не хотимъ давать, опчеца во всѣхъ чувствахъ, возбужденныхъ въ насъ при чтеніи Календаря, но мѣсто, на которое хотимъ указать, вѣрно многіе изъ Читателей нашихъ и сами прочли съ чувствомъ. Это мѣсто — списокъ умершихъ въ С. Петербургѣ, расположенный по возрастамъ: чье сердце можетъ остаться безъ движенія при чтеніи его? Одного возраста умерло въ годъ триста, того двѣсти, другаго четыреста, но — какъ способъ могильный — тысяча возвышася надъ возрастомъ отъ 20 до 25 лѣтъ! Чье сердце не обольется кровью? Цвѣтъ юношества! Надежда Отечества! — Ужъ не плодили это моднаго просвѣщенія! — Если такъ, то Москва, какъ изъ Календаря видно, въ самомъ дѣлѣ не достигла еще до той высокой степени моднаго просвѣщенія, на которой стоитъ С. Петербургъ. —

A. M. le rédacteur du Journal, intitulé Arc-en-Ciel, Extrait fait à propos, par un littérateur français, demeurant en Esthonie.

Gage du Salut dans un tems orageux,
L'arc divin, déployant le prisme de ses feux
Annonce aux yeux ravis d'un consolant présage
Le retour du Soleil sous des cieus sans nuages;
L'air circule plus doux, le jour brille plus pur;
L'horison se revêt de son voile d'azur;
L'enchantement renaît, et la nature entière
Sourit, pleine d'amour, de vie et de lumière.

24. Fevrier 1832.

и т.д. C....hoff.

ОСТЬ - ЗЕЙСКІЯ ЗАПИСКИ.

Древнѣйшая ГРЕКО - РОССІЙСКАЯ ЦЕРКОВЬ въ Ревелѣ.

Безъ всякаго сомнѣнія гораздо до покоренія Ревеля Петромъ Великимъ были въ семь городъ и въ Эстляндіи постоянные жители изъ Русскихъ. Разныя причины заставляютъ это думать: напр., существуютъ цѣкшорыя явно Русскія Прозвища, носимыя лицами, кошорые нынѣ принадлежатъ къ Нѣмецкимъ жителямъ Эстляндіи; есть нѣсколько селеній въ Эстляндіи обитаемыхъ крестьянами Греко-Россійскаго Исповѣданія; по говорящими по Эстонски; и пр.; но одно изъ доказательствъ, что давно уже и вѣроятно въ довольно большомъ количествѣ жили Русскіе если не вообще въ Эстляндіи, но по крайней мѣрѣ въ Ревелѣ, есть преданіе о существованіи въ Ревелѣ Греко-Россійской церкви во имя Священителя

и Чудотворца Николая со временъ Іоанна Васильевича Грознаго. Древность сей церкви подтверждается слѣдующими, сообщенными издателю, надписями:

1. Надпись на серебряной лампадѣ висящей нынѣ предъ образомъ Свяшиицеля и Чудотворца Николая:

Повелѣніемъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Бориса Ѳеодоровича всея Россіи Самодержца и сына его Великаго Государя Царевича Князя Ѳеодора Борисовича всея Россіи, сдѣланъ бысть сей подсвѣщникъ къ Великому Чудотворцу Николѣ въ Колыванѣ, въ первое лѣто государства его 7107. года. (слѣд. 1599. года, во второй годъ его царствованія.)

2. На иконостасѣ въ нижнемъ фризѣ надъ мѣстными образами:

Изволеніемъ Опца и споспѣшеніемъ Сына и совершеніемъ Святаго Духа поновися сей храмъ во имя Святаго Николая Чудотворца, града Колывани Святыми иконами и церковнымъ украшеніемъ повелѣніемъ пресвѣплѣйшихъ Государей Царей Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, Великой Государыни Царевны Благовѣрной и Великой Княгини Софіи Алексѣевны, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцевъ, въ лѣто оуцѣ

созданія міра 7194. года, оцъ воплощенія же Бога Слова 1686.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДАНИЙ

или

Ревельскій Маршъ мѣсяцъ.

(Сообщено.)

Во всей Эспляндіи Маршъ мѣсяцъ принятъ общимъ срокомъ для разныхъ хозяйственныхъ и торговыхъ сдѣлокъ: контрактовъ, плашежей, ращетовъ и пр. — По сей причинѣ въ Маршъ приѣзжаетъ здѣшнее Дворянство въ Ревель и городъ сей, обыкновенно очень тихій, приводится, въ это время, въ большое движеніе: начинаются сѣзды, разѣзды, спускъ и шумъ, визиты, балы, обѣды, спектакли и концерты.

Долго безуспѣшно спрашивалъ я о причинѣ сего установленія и наконецъ попалъ на историческую о немъ справку.

Она высоко начинается, но пѣмъ болѣе достоверна.

Ромулъ раздѣлилъ годъ на десять мѣсяцевъ и пославилъ первымъ Маршъ, какъ посвященный отцу его. — Но Ромуловъ годъ, небудучи согласенъ съ планетнымъ, ни куда не годился. Нума передѣлывая Календарь, при-

ладилъ свой годъ, изъ двѣнадцати уже мѣсяцевъ соспояцій, къ мѣсяцамъ луннымъ; но и то не годилось; ибо сей лунный годъ не соглашался съ солнечнымъ. — Юлій Кесарь выписалъ, изъ Александріи, Астронома Созигена и поручилъ ему передѣлать годъ Нумы, по правиламъ Астрономіи. — Римскій Календарь согласенъ съ солнечнымъ годомъ, прибавкою одиннадцати дней и шести часовъ къ лунному году. И годъ Юліанскій составилъ изъ 365. дней и 6. часовъ, кои уравнены годомъ, копорый, опъ слова *bis-sexthus*, названъ високоснымъ. Лишній день сего года былъ шестымъ въ Маршѣ.

Въ Эпомѣ мѣсяцъ плапились, въ древнемъ Римѣ, подапи; начинались Комисы; были заключаемы общественные Контракты; юноши надѣвали *toga libera*, или *virilis*; домо-хозяйки угощали рабовъ своихъ и бѣдныхъ, прислуживая за ихъ обѣдомъ; Веспалки обновляли огонь свой и, до Аннибала, въ Маршѣ новые судьи вступали въ свои должностіи.

Въ первыхъ числахъ Марша праздновалось торжество священныхъ щитовъ, которые спояли въ храмѣ Марса. Жрецы выносили ихъ, съ великою пышностію, для показанія народу и ударя въ нихъ, съ извѣстнымъ раз-

мѣромъ; плясали. Сіе время почиталось неблагопріятнымъ къ совершенію браковъ и женъ Перво-жреца Юпитерова запрещалось расчесывать тогда свои волосы.

Маршъ мѣсяцъ, нося имя Марса, былъ подъ особеннымъ покровительствомъ Минервы.

Во Франціи только съ указа Карла IX. (въ 1564. году) стали начинать годъ съ Января. Прежде считалось его начало съ свѣтлаго Воскресенія и, пошому, въ одномъ году было два Марша и говорили: Маршъ до Пасхи и Маршъ послѣ Пасхи. Когдаже Пасха приходилась въ теченіи Марша; то половина его принадлежала къ одному, а другая къ другому году.

Астрономы почитаютъ Маршъ первымъ мѣсяцемъ пошому, что тогда всходитъ солнце въ тѣ знаки Зодіака, съ которыхъ начинаются шестъ оныхъ.

Въ первыхъ числахъ Марша посылаетъ Китайскій Императоръ нѣсколько избранныхъ, изъ знаменитѣйшихъ Вельможей въ Палату Предковъ своихъ. Они кланяются въ землю предъ ихъ портретами и доносятъ, что Богды-ханъ принесетъ въ слѣдующій день весною жертву Богу.

У Персовъ древнихъ и новѣйшихъ торжество начала весны положено въ теченіи на-

него Марша, т. е. когда солнце вступитъ въ знакъ Овна. — Праздникъ сей называется Наурусъ Султаніе (Императорское Новолѣтіе). —

Вотъ каковъ Маршъ мѣсяцъ! — Вѣроятно и здѣсь, по какому нибудь преданію, отличенъ онъ отъ всѣхъ прочихъ. — Любопытно было бы узнать отъ Старожиловъ: когда столь древнее преданіе сіе, кѣмъ и по какому случаю завезено сюда, вѣрно съ Запада; ибо въ Европѣ идетъ оно изъ Рима? —

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВЪ ПОЛЬЗУ БѢДНЫХЪ въ Ревелѣ 12го Марша.

Сцены 13. Марша.

Докторъ * * *, издатель и др.

Д. (Входитъ къ издателю.) Съ возобновленіемъ зими поздравляю!

И. А! добро пожаловать, любезной Докторъ! Въ самомъ дѣлѣ, дивная спорона ваша: въ Январѣ у васъ громъ и молнія — помните, въ Аренсбургѣ 13. Января, а на 14. ночью и 14. ушромъ въ Ригѣ? — почпи всю зиму у васъ грязь, проходу нѣтъ, и вдругъ 13.

15. Марта зима, снѣгъ по колѣна — прошу садиться!

Д. Виновать, я помѣшалъ вамъ, я только на минуточку.

И. Что за помѣха; садись. Я давно ужъ приготоовился на разныя помѣхи. И такихъ ли еще помѣхъ я ожидаю долженъ? Вы знаете, и Каспора вашего погладишь прошивъ шерсти, такъ онъ ворчитъ: каково же — начашъ лишерашурное дивище наше гладить скребницею прошивъ щетины?

Д. Не бойтесь; я увѣренъ за васъ. Мнѣ журналъ вашъ до сихъ поръ представляется свѣтлою рѣкою, которая, играя въ лучахъ солнечныхъ, печетъ между цвѣтущими берегами. Но пусть лишь встрѣятся на пути ей пороги, — величественно зашумитъ она, и алмазами и рубинами разсыпится, и тупъ-то засіяетъ въ полномъ блескѣ яркая радуга.

И. Благодарю за комплиментъ, любезнѣйшій Докпоръ. И какую живописную учась вы мнѣ пророчице; дай Богъ вашими успами медъ пить! — Однакоже ксашаи, что вы сами пришли ко мнѣ: я хотѣлъ у васъ просить извиненія, что долженъ опложитъ вашу спашейку до одной изъ слѣдующихъ книжекъ.

Д. Пожалуй, хопъ до слѣдующаго года. Я все не буду успавать работашъ на васъ.

Мнѣ приятно отдавать вамъ все, чѣмъ самъ богатъ, годишься — пользуйшесь, не годишься — хопъ въ печь.

И. (Радъ.) Драгоценнѣйшій Докпоръ! Да, истинно, драгоценнѣйшій! Я хотѣ и новичекъ еще въ журнальномъ дѣлѣ, однакоже вы можете себя представить, что уже успѣлъ почувствовать всю драгоценность подобнаго вашему самоотверженію. Не много сочинителей найдется, которые бы были такъ самоотверженны, какъ вы. Впрочемъ ваша статья, любезный Докпоръ, такого рода, что во всякое время годишься. (Беретъ со стола листъ, на которомъ нѣсколько строкъ уже написано.)

Д. А у васъ вѣрно уже готово что нибудь собственно для настоящаго времени?

И. Только что началъ было передъ вами писать; объ чемъ бы вы думали?

Д. Объ чемъ бы? Не знаю. Ужъ не объ томъ ли, что, какъ вы говорили мнѣ, толкуютъ объ васъ всѣ знающіе въ Москвѣ?

И. Вотъ нужда большая! Пускай себя толкуютъ! Правда, для шулки написалъ было побасенку имъ, да оплодился; послѣ прочту. Что, подумалъ, убудетъ чтоли меня опъ полковникихъ? Богъ съ ними, пускай себя говорятъ, что хопятъ! Пускай себя пожалуй думаютъ, что самъ Трисмегистъ или Брама лепяетъ въ

кабинетъ мой и дикшуетъ мнѣ спать въ журналъ. Меняже хвалятъ. Нѣтъ, любезный Докпоръ, объ нашемъ почтенномъ Ревелѣ началъ было я писать. Слушайте начало:

»Еслибы обладалъ я пою трубою, коюрою баснословы вооружаютъ богиню-славу, — на весь міръ прогремѣлъ бы о благопвортельности Эспляндской! ..«

Д. Помилуйте! что дѣлается съ воображеніемъ вашимъ? Что зашѣло? Благопвортельность Эспляндскую! Такъ для этого то откладываете мою спатью? Грѣшно.

И. Я того и ждалъ. Давно я знаю, что вамъ Эспляндія ваша не слишкомъ правится. Вы иногда оправдываете, почтенный Докпоръ, Русскую пословицу: Хорошо тамъ, гдѣ насъ нѣтъ. Точно какъ большая часть нашихъ Русскихъ ученыхъ думаете вы въ этомъ случаѣ. Имъ представляется, что въ сердцахъ Французскихъ кровь, а въ головахъ Германскихъ мозгъ не изъ земли созданы подобно ихъ собственной крови и ихъ собственному мозгу, а изъ какой-то небесной матеріи. Вамъ, наоборотъ, кажется, что только внутри Россіи живутъ люди истинно благопвортельные. Почему же такъ? неужели не попадались вамъ доказательства противъ мнѣнія вашего? Нѣтъ, я вовсе не согласенъ съ вами.

Д. Думайте какъ хотите; а я все сомнѣваюсь чѣмъ выбранная вами пѣма могла быть такъ плодовою, какъ вы того ожидаете. Вотъ еслибы вы захопѣли описать Гиперборейскую блаженность Эспляндцевъ, дѣло другое; пропивъ этого бы ни слова. И мнѣ кажется, что совсѣмъ не ошибочно предположеніе одного историка о мѣстѣ жительства такъ называемыхъ баснословныхъ Гиперборейцевъ. Я очень вѣрю ему, что эти Гиперборейцы, пивавшіеся, какъ вы знаете, всю жизнь сокомъ цвѣтовъ и, насытивъ блаженною жизнью, бросавшіеся въ волны морскіе, — очень вѣрю ему, что эти Гиперборейцы дѣйствительно жили въ Эспляндіи; попому что мы въ самомъ дѣлѣ и до сихъ поръ живемъ почти какъ они: одно изъ прилѣпѣвшихъ пиваній нашихъ есть также сокъ, если не цвѣтовъ, то покрайней мѣрѣ ячменный, или даже и сокъ цвѣтовъ, только посредствомъ разныхъ метаморфозовъ преобразовавшійся въ прекрасное смешанное кислое молоко; и правда не оканчиваемъ жизни бросаясь въ волны морскіе, какъ шѣ дѣлали, но за то по большей части вовсе не выплываемъ изъ морскихъ волнъ самозабвенія.

И. Позвольте сдѣлать замѣчаніе на слова ваши, что либо вы сердиты за что нибудь

на Эспляндію, либо шупните. Безъ сомнѣнія послѣдее справедливо: а то что бы за причина выискивать однѣ дурныя спороны?

Д. Одиakoже, если я пошупилъ, то что-же вы найдете, чтобы не шупня разговоринься о благопворительности Эспляндской?

И. Какъ что? Я даже жалѣю, что не имѣю мѣста для высказанія хоня большей части того, что доказываетъ эту благопворительность. Сколько у насъ богоугодныхъ заведеній для сиротъ, для вдовъ, для преспарѣлыхъ гражданъ и служивыхъ, для больныхъ? Развѣ это не благопворительность? Помнителі, какъ Або сгорѣлъ, — цѣлые корабли опсправлялись опсюда съ плащями, бѣльемъ, съспными припасами и пр. А читалили послѣдніе опчеты Общества вспоможенія бѣднымъ? Бескорыстными Любимцелями дающся концерпы въ пользу бѣдныхъ; Сочинители издають стихи въ пользу бѣдныхъ; дамскія ручки цѣлые мѣсяцы работають, рисують, шьють, вышивають, плешупъ, чтобы собраніе деспапточное число разныхъ изящныхъ вещей и вещицъ, карпинчекъ, корзиночекъ, кошельковъ и проч., для лопереи въ пользу бѣдныхъ. Развѣ это не благопворительность? Наконецъ прекрасный вчерашній спекнакъ, данный въ пользу бѣдныхъ особами

изъ знапныхъ Фамилій здѣшнихъ при такомъ многочисленномъ спеченіи зрителей, что Ревель едва воспоминаеть подобное населеніе Театра: что объ немъ скажете?

Д. Что сказать? Я и обо всемъ, что вы мнѣ наговорили, скажу, что это вовсе не благопворительность, а частью долгъ, частью же забава. Да не увѣсть шуйца, что пворить дѣсница! а по что за благопворительность? Затѣюптъ концертъ или спектакль для бѣдныхъ, раздразняптъ сеудобіе и птеатръ наполнипся, и пѣ и другіе, удовлеспворяя этому чувспву самому земному, утѣшаюпся мечпой, что благопворяптъ.

И. Не только несправедливыми кажутса мнѣ эти замѣчанія ваши, но даже — какъ-то, невзыщипсе, сердитыми. Скажипсе сами: всегда ли можеть пворить дѣсница такъ, чтобы не увѣдала того шуйца? Если, напрімѣръ, случипся нужда въ благопворительности въ при-супствіи шуйцы; то неужели ждаптъ, пока шуйца удалипся? Во впорыхъ: вы говорипсе — долгъ: но по этому нѣптъ вовсе благопворительности, ибо всякая благопворительность есть не иное что, какъ долгъ. Въ ппретыхъ: забава. Но скажипсе: развѣ, благопвора, я не-премѣнно долженъ дѣлаптъ печальную мину? развѣ я не могу благопвориптъ пляша и играя?

Чтоже касается до суелюбія, то я не знаю, какое мы имѣемъ право предполагать его. И не естественнѣ ли и не пріятнѣ ли думать, что не оно, а самое чистое бескорыстное желаніе, осушивъ слезы бѣдствующихъ, побуждаетъ къ такого рода благопворишельности, къ такому, смѣю утверждать, высокому самоопроверженію?

Д. Не слишкомъ ли высоко хващали, Г Издашель?

И. Ни мало. Воистъ вы и истинно добрый человекъ, но не удержались, чтобъ не осудить. А сколько такихъ людей, которые, не имѣя вашего добраго сердца, обладаемы неодолимымъ желаніемъ посудить о ближнихъ? Многіе самими себѣ кажутся умнѣе, когда скажутъ судъ свой о чемъ нибудь, что ближніе ихъ дѣлаютъ. Теперь обѣденное время, къ помуже Воскресенье: переселились въ иное общество, подслушайте толки его предшольные и зашольные. Прислушайтесь, о чемъ разглаговольствуютъ многія кузины, да шешушки, да знаюки, да непризванные цѣнишели? Та не такъ спушила, шопъ не такъ засмѣлся, иной не въ пору на сцену пришелъ, иная не кшпашахнула. Наконецъ послушайте, какое ужасное самолюбіе, суелюбіе и всякое возможное мірское любіе кладутъ въ основу этому прекраснѣй-

шему поспутку чловѣколюбія? Неужели не высокое самоопшверженіе, давапъ себя добровольно на съѣденіе такимъ судьямъ для того единственно, чптобы хопъ въ видѣ нѣсколькихъ капелекъ смѣшались съ благопшворнымъ дождемъ, изливаемымъ сердцами добрыми и явно и скрышно, и упаспъ жизнью и упѣшеніемъ въ грудь спраждушей вдовы или сироты? Наконецъ чпто бы вы опвѣнили, еслибы благопшворпшельныя эптѣ души сказали вамъ: »Чпто вы хлопочете объясняпъ, почему мы вздумали данъ спектакль для бѣдныхъ? Если вамъ угодно, мы были самыми чпспыми эгопспками и эгопспами давая его. Намъ захотѣлось данъ представленіе передъ публикою; эпто былъ капризъ нашъ. А чптобы не даромъ показывапъ, какъ мы удовлешворлемъ нашимъ капризамъ, мы пошребовали денегъ опъ зрптелей, и пошребовали больше обыкновеннаго, также поштому, чпто эпто былъ капризъ нашъ. Но такъ какъ намъ денегъ не нужно, то мы и предопспавпдп ихъ бѣднымъ.«

Д. Не надо, не надо никакихъ подобныхъ уступокъ; сдаюсь, сдаюсь!

П. Топоже.....

Д. Однакожь.....

П. Какъ? опяпъ защищаетесь?

Д. Нѣтъ; я только хочу сказать: однакоже какъ вы объясните, что въ обыкновенные спектакли, когда и очень хорошо играютъ и цѣна мѣспамъ меньше, несравненно меньше зрителей бываетъ, нежели вчера было: не суетлюбіе это?

И. Опять таки не имѣемъ мы права предполагать этого. Да и что за слава, дать нѣсколько рублей въ пользу бѣдныхъ? Если мнѣ захочется быть благотворительнымъ, такъ я и на улицѣ могу грошъ свой подать любому нищему. Я думаю, судя по себѣ, что всѣ зрители были въ театрѣ просто для удовольствія, а вовсе не изъ желанія быть благотворителями. Я былъ совершеннымъ эгоистомъ въ театрѣ: я наслаждался — во первыхъ высшимъ-самоопроверженіемъ, во вторыхъ — прекраснымъ представленіемъ.

Д. Побѣжденъ! на все безусловно соглашаюсь; соглашаюсь также, что спектакль былъ прекрасный, хотя и небылъ самъ на немъ, соглашаюсь не только потому, что вы это утверждаете и многіе, съ какими мнѣ случилось объ немъ говорить, но и потому, что, когда я къ вамъ шелъ, встрѣтился со мною Г. фонъ Коркенціеръ и отзывался объ немъ холодно; а чего онъ не хвалилъ, то вѣрно прекрасно.

И. Оставьте этого Г. фонъ Коркендеира. Пускай онъ себѣ судить о собакахъ да о Бургонскомъ, а объ изящномъ не ему судить. Совѣсно только хвалить, что дѣлано не съ шѣмъ, чтобы быть прославляемымъ: а тобы, повѣрше, было, что похвалить.

Старая женщина (накрывая столъ.) Какой съѣздъ у Шварценгейпперскаго клуба... Я сей часъ тамъ близко была... Кареты, коляски знашь праздникъ. —

И. Ахъ, я совсѣмъ забылъ! Поскорѣй, почтеннѣйшій Докторъ; закусимте, да поскорѣй пойдете! Эспляндское Дворянство сегодня угощаетъ обѣдомъ возвращающійся изъ Польши черезъ Ревель домой Лейбъ - Гвардіи Финляндскій Спрѣлковый Башаліонъ. Ну, какъ не пожелаешь трубы богини-славы, чтобы прогремѣть о благотворительности и вмѣстѣ о любви къ Государю и Опечесству Эспляндцевъ? —

Д. Пойдемте. Я ужъ слышалъ объ этомъ обѣдѣ. Очень радостно видѣть такой радужной приемъ dospойнымъ и храбрымъ защитникамъ общесивеннаго спокойствія.

Д. (Дорогою.) Однакожь въ самомъ дѣлѣ, все представленіе хорошо выдержано?

И. Говорю вамъ, прекрасно. Представленіе были на сценѣ совершенно какъ дома.

Д. Такимъ отзывомъ остался бы доволенъ и самый лучший актеръ ex proffessione.

И. И совершенно справедливой отзывъ, и справедливый не потому, что я такъ говорю; нѣтъ, я шпионилъ; всѣ, развѣ кромѣ Г фонъ Коркенцiэра, тоже говорятъ.

Д. А какія, я забылъ, пiэсы были даны?

И. Двѣ Французскія: *Le roman d'une heure* и *la haine d'une femme ou le jenne homme à marier*, соч. Скрибы и одна Нѣмецкая: *Verstand und Herz*, соч. Шпейгеншпеца.

Д. Прекрасный выборъ. Я всѣ три знаю.

И. Д'а —, трудно лучше выбрать; и нельзя сказать, чтобы пiэсы были не хороши. Только вѣдь вы, помните, сами сомной были согласны, что можно лучше Скрибы писать. Чпже касается до Шпейгеншпеца, то онъ, какъ замѣтно, съ Нѣмецкою почностью взглянулъ въ сердце человѣческое.

Д. Одно мнѣ въ этой пьесѣ его не нравился, что какъ-то поверхностно и бранялся и ссорятся супруги.

И. Это, не прогнѣвайтесь, мнѣ кажется, одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ Нѣмецкой нынѣшней драмы. А все, кажется, отъ того, что понятiя большей части Нѣмецкихъ авторовъ о любви какъ-то не довольно глубоки. Мы также пѣлины были концерпомъ

на двухъ флигеляхъ Герца и искусною игрою на скрипкѣ маленькой дочери Г Музык. Гросса.

Д. Жаль, что я не былъ...

И. (При входѣ въ клубъ Шварценгейнтеровъ.) Э, да ужь скамейки и столы выносятся!

Д. А вотъ и солдапы идутъ. Посмотрите каковъ народецъ; молодецъ къ молодцу.

Г. П. (Въ клубъ.) Говорятъ, что они изъ винпоекъ своихъ, пулею съ горошенку величиною, на 180, даже на 400 шаговъ разстоянія, попадаютъ прямо въ голову петереву.

И. Не опечашкали это, Г. П.?

Г. П. Нѣтъ, я самъ однажды былъ свидѣлемъ.

И. Каковоже въ бунповичковъ попадали; у нихъ головы побольше петеревачьихъ.

Г. П. Изъ тысячи паръ дичи Финской развѣ двѣ при пары найдете, чтобы не въ голову прошла пуля.

И. Вотъ шакъ въ прошедшемъ году Купечество Ревельское угощало возвратившійся изъ Турціи Нѣвскій полкъ. Ну, какъ, скажите Г. Докторъ, не пожеланъ, владѣшь шрубою славы? (При выходѣ изъ клуба.) Однако извините, любезнѣйшій Докторъ; я расстанусь съ вами. Вы мнѣ помѣщали, шакъ я за это вмѣсто настоящей спанни пойду положу весь разговоръ нашъ на бумагу и напечатаю его. До свиданія! —

Д. До свиданія! Да однакожь нельзя ли не до слѣдующаго года опікладывашь мою спалейку!

И. Не бойтесъ. Прощайте!

Задачи Дерпскаго Университета на 1832. годъ.

1) Отъ Теологическаго Факультета: »Подробно предствавить различіе между Гомилетикою и обыкновенною Риторикою. Предметомъ для проповѣди на Нѣмецкомъ Языкѣ назначается мѣсто въ Ев. Іо. 20, 24 — 31.«

2) Отъ Юридическаго Факультета: »Какъ законодательство можетъ благотворно дѣйствовать на частный кредитъ и пшѣмъ способствовать оборотамъ?«

3) Отъ Медицинскаго Факультета: »Какъ опредѣляется понятіе о наркотическихъ лекарствахъ? Какія дѣйствія производятъ они на животный организмъ? Какія разности оказываютъ въ послѣднихъ, судя по свойству упомянутыхъ лекарствъ и организмовъ, на которые они дѣйствовать должны? Какъ объяснить ихъ дѣйствіе на живое тѣло и разность оныхъ?«

4) Отъ Философскаго Факультета: а) первое и прешее опредѣленіе: »Представитъ въ ясной связи и, сколько возможно, истинно-критически (*ächtfritisch*) разобрать (*beurtheilen* — обсудить) — что утверждали недавно о циклическихъ спихотворцахъ Вюльнеръ и Вильгельмъ Мюллеръ какъ въ особенныхъ разсужденіяхъ, такъ и въ разныхъ опредѣльныхъ замѣчаніяхъ, также что утверждали Фр. Озаннъ въ одной рецензій, Гейригсенъ въ *Comm. de carminibus Cypriis*, Ф. Лейчъ (*C. F. v. Leutsch*) въ *Theboidis cyclicae reliquis*.« б) Второе и четвертое опредѣленіе: »Положенія Мальпуса о законѣ народонаселенія частію вкратцѣ сравнить съ положеніями его предшественни-

ковъ, частью критически разсмотрѣть и либо защитить прошивъ нападеній его прошивниковъ, особенно новѣйшаго, Т. Садлера, либо, подробно изложивъ опредѣлительныя начала, показать и исправить найденныя въ нихъ неправильности, « —

Число жителей и число учащихся въ Остпъ-Зейскихъ Губерніяхъ.

Въ Эстляндіи.

Жителей:

По Биненштамму въ 1819. года всего 227001 об. пол.
(210240 Эстовъ, 8836 Нѣмцевъ, осталь-
ное число Русскихъ, Шведовъ и. пр.)

По послѣднему С. Писерб. Календарю 250000 „

Учащихся:

По оффиціальнымъ отчетомъ въ 1831. году 1622 „

И такъ, слѣдую Календарю, приходился:

1 Учащійся почти на 154 жин.

Въ Лифляндіи.

Жителей:

По Биненштамму въ 1820. году 591485 „

(251014 Латышей, 288964 Эстовъ,
31878 Нѣмцевъ, двѣ деревни (близъ устья
Салиса) Ливовъ, ост. ч. Русскихъ,
Шведовъ, Финн., Англ., Шотланд,
Поляк., Жид.; послѣднихъ въ 1824. году
513 об. п.)

По Календарю 700000 „

Учащихся:

По оффиціальнымъ отч. въ 1831. году

въ Дерптской Дирекціи	1443	} всего	4365 „
въ Рижской	2921		

И такъ, слѣд. Кал. приходится:

1 Учащійся слишкомъ на 160 жин.

Въ Курляндіи

Жителей:

По Бин. въ 1819. году	384142 об. пол.
(352651 Лашышей, 37654 Итмцевъ (1820. году), 8687 Жидовъ, около 1600. Кревниговъ (въ помѣстьяхъ: Alt- und Neu-Node, Mamelhof, Krussen- und Wittenhof. Кривичи?), 150 семей. Ливовъ (близъ моря въ помѣщичьихъ владѣніяхъ: Dondingen Fören).	
По Бин. въ 1823. году	400819 „
По Календарю	400000 „
Учащихся:	
По офф. опч. въ 1831. году	1603 „
И такъ, слѣд. К., 1 Уч. почи на 250 жит.	

Число Слушателей въ Дерптс. Унив. въ 1832. году.

Изъ Лифляндіи	<u>225</u>
„ Эстляндіи	85
„ Курляндіи	103
„ проч. Русск. Губ.	132
„ чуж. Краевъ	13
Чиновниковъ гражд.	5
Воени. Офицеровъ	10
	всего 599

Слушаютъ чтенія:

Богословск. Факультета	48
Юридич. „ „	68
Медиц. „ „	278
Философ. „ „	210

Имена подписавшихся мѣстѣ и особѣ.

Въ числѣ 10-ти до 16го Февраля пребывавшихъ для магазина Г. Смирдина: ИМ. Росс. Академія; Библіотека Главн. Штаба Его. И. Величества; Морск. Кад. Корпусъ; Справочное мѣсто въ С. Петербургѣ; Лѣсной Департаментъ; Н. Н. Глазуновъ; И. Н. Глазуновъ на 2 эк.; Библіотека Г. Смирдина на 3 эк.

До 19. Марта 1832.

Въ Ревель: Гжа. Коммерціи Сов. Гари.

Въ С. Петербургѣ: Его Свѣшлость Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія на два экз.; Гапчинскій ИМП. Воспитательный домъ; Александра Ѳедор. Орѣшникова; А. Ф. Смирдинъ на три экз.

Въ Ригѣ: Г. Подпоручикъ Василій Васильевичъ Измайловъ.

Въ Нѣсвижѣ Минск. Губ.: Г. Командиръ Нарвскаго Гусарскаго полка, Полковникъ Яковъ Ивановичъ Измайловъ.

Въ Чухломѣ: Уѣздное Училище.

Въ Ениѣанъ: Госп. Штабсъ-Ротмистръ Голиковъ.

Въ Донковѣ: Ея Вб. Варвара Ѳедоровна Ошонина.

Въ Тифлисѣ: Кавказскаго Сапернаго Баталіона Г. Капитанъ Ведениковъ.

Въ Харьковѣ: Николай Ивановичъ Бряцковъ

Въ Ефремовѣ: Ея Вб. Анна Васильевна Кислинская.

Въ Михайловѣ: Г. Маіоръ Баронъ Фроль Андр. фонъ Фишिंगофъ.

Ist zu drucken erlaubt.

Reval, den 19. März 1832.

Im Namen der Civil-Oberverwaltung
der Ostsee-Provinzen.

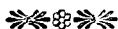
Regierungs-Assessor Baron v. Rosen,
in Abwesenheit des Censors.

Содержаніе Радуги:

	Стр.
2ый Опломокъ отъ Философскаго Мозанка	157.
Замѣчаніе издателя	154.
Замѣчанія Менцеля о Философинъ въ Германіи въ 1829	155.
Замѣчаніе издателя	169.
Дума падъ гробомъ Наполеона	172.
Анна Маргарета Цванцигеръ .	176.
Гермапъ и Маргарета	186.
Изъ переписки Жан-Поля Фридриха Рихтера съ	
Христіаномъ Оппо, продол.	188.
Изъ Исторіи воспитанія	205.
Краткое жизнеописаніе Гофмана	214.
Некрологъ Бопшштена	216.
Осколки отъ Философскаго Мозанка:	
1. Philosophi credula gens	216.
2. Одакоже	217.
3. Спрока въ исторію философскихъ системъ	217.
Чувство при чтеніи Квлндаря	218.
A. M. le rédacteur	218.

Содержаніе Остѣ-Зейскихъ Записокъ:

	Стр.
Древнѣйшая Греко-Россійская Церковь въ Ревель	27.
Замѣчательность преданій или Ревельскій Мартъ	
мѣсяць	29.
Представленіе въ пользу бѣдныхъ въ Ревель	52.
Задачи Дерптскаго Университета на 1852. годъ	45.
Число жипелей и число учащихся въ Остѣ-Зейс-	
кихъ Губерніяхъ	46.
Число Слушателей въ Дерптс. Унив. въ 1852. г.	47.

Журнала сего выходить ежемѣсячно по одной книжкѣ, величиною отъ 5хъ до 6ти и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 12. книжекъ, въ Ревель 20, съ пересылкою во все города Россійской Имперіи 24 рубля асс. — Въ Москвѣ подписка принимается въ Газетной Экспедиціи и въ Конторѣ Телеграфа, въ С. Петербургѣ въ Газетной Экспедиціи и въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Смирдина. Прочіе Гг. Иногородные благоволяють адресоваться также на имя издателя Андр. Ив. Бюргера въ Ревель. —